

Андрей Костюк

САДЫ КОРОЛЕВЫ
Бермудская
история

Андрей Костюк

**Сады Королевы.
Бермудская история**

«Издательские решения»

Костюк А.

Сады Королевы. Бермудская история / А. Костюк —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833261-6

На протяжении веков было сложено немало теорий вокруг Бермудского треугольника. Там пропадают корабли и самолеты. Пропадают люди, угодившие в эту таинственную зону. Но люди находят там отнюдь не смерть. Они находят Жизнь. Эта история о целом мире, который нас так боится. История о любви и ненависти, дружбе и вражде. История о тех, кто любой ценой хочет сохранить тайну Бермудского треугольника. И если Вы расскажете на весь мир о том, что узнали — Вам всё равно никто не поверит.

ISBN 978-5-44-833261-6

© Костюк А.
© Издательские решения

Содержание

CAPITULO 1	6
Абордаж	7
Сады Королевы	14
Один день	22
Особенности национальной экономики	30
Дом Истории	37
Дом Жизни	44
Vora del món	50
CAPITULO 2	57
Новая земля	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Сады Королевы Бермудская история

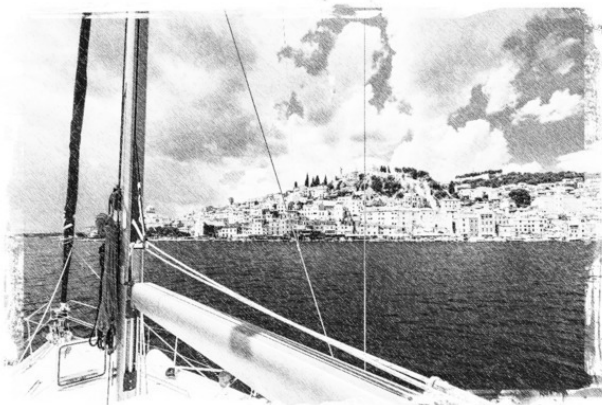
Андрей Костюк

© Андрей Костюк, 2017

ISBN 978-5-4483-3261-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

CAPITULO 1

*«Таков порок, присущий нашей природе: вещи невидимые, скрытые и непознанные, порождают в нас и большую веру, и сильнейший страх»
Гай Юлий Цезарь*

Абордаж

Лето 2015 года

– Предлагаю поднять бокалы за нашего дорогого мистера Вудса! Дамы и господа, вы знаете, кто такой мистер Джонатан Вудс? Это герой нашего времени, человек, обладающий поразительным умом и выдающимся талантом! И самое главное, друзья, за что я больше всего ценю этого джентльмена, так это за то, что ему всегда сопутствует удача! В свои двадцать восемь лет он стал легендой, финансовым гением! У нас на Уолл-Стрит его называют «Новым Оракулом». Джонатан, сейчас, в день своего триумфа, расскажи нам, в чём твой секрет? Как у тебя получается чувствовать рынок?

– Ларри, мой секрет прост, – Джонатан выдержал театральную паузу и оглядел присутствующих из-под бровей. – Я просто продал душу дьяволу.

Широкая улыбка озарила лицо мистера Вудса, после чего раздался дружный беззаботный смех и звон хрустальных бокалов. Этот день действительно был для Джонатана днём триумфа. По крайней мере, так считала компания, которая чествовала его на просторной яхте, совершающей круиз по Атлантическому океану. Джонатан Вудс – биржевой трейдер, заработавший огромные деньги в короткие сроки. Сроки оказались настолько коротки, что это вызвало большой резонанс в обществе. Заголовки газет пестрили лестными эпитетами. Вудс стал популярен. Возможно, вся причина успеха крылась в одном лишь счастливом случае, но даже сам Джонатан отказывался в это верить. Чужая восторженность наделила его практически безграничной верой в свою исключительность.

Наверное, для большинства людей нашего времени, живущих в мире капитализма, Вудс был идеалом. В какой-то степени даже эталоном, образцом для подражания у молодого поколения. Сияющим воплощением «американской мечты». Деньги, женщины, большой дом, роскошные автомобили, даже яхта, на которой он отдыхал – всем обладал Джонатан. И каждый раз, прокручивая в голове эту мысль, он испытывал гордость, спокойствие и душевное равновесие, к которому всегда стремился. Джонатан осознавал, что находится на той самой вершине мира, о которой с упорством вешали с телевизионных экранов, газет и журналов.

Отойдя к борту яхты, мистер Вудс повернулся лицом к своим гостям, произносящим тосты в его честь. Половину людей он не знал лично, другую половину никогда в жизни не видел. Только Ларри – бойкий низенький старичок, который в тот момент осыпал комплиментами какую-то пышную даму, был хорошо знаком ему. Это босс Вудса. Тот, кто больше всех обогатился благодаря новоиспечённой звезде инвестиционного бизнеса.

Большая трёхпалубная яхта пересекала северную Атлантику. Маршрут был весьма прост: Нью-Йорк – Нассау – Лиссабон. Шёл только первый день круиза и впереди была целая неделя в открытом океане. На самом деле, никто из пассажиров понятия не имел, в какой именно точке на карте он находится. Гости были увлечены светскими беседами, имеющими в себе смысла меньше, чем агуканье младенца. Живая музыка звучала фоном и разбавляла монотонный гул смешавшихся голосов. Никому не было дела до того, что творится за бортом, и ни один человек не обратил своего внимания на горизонт. Только Джонатан стоял в одиночестве и любовался размеренными волнами, которые подбрасывали судно в том направлении, в котором оно двигалось. Тёмная водная гладь завораживала, расслабляла и прогоняла из головы любые мысли.

Тёплый ветер растрепал короткие тёмные волосы Вудса. Повернувшись лицом к солнцу, Джонатан прикрылся ладонью от яркого света, прищурился и заметил на горизонте маленькую чёрную точку, которая со временем приближалась и становилась крупнее. Вероятно, это было судно, движущееся встречным курсом. Взгляд Вудса замер на этом объекте и вскоре погрузил сознание в полу сонливое состояние.

– Скучаешь? – неожиданно раздался мягкий женский голос.

Джонатан обернулся. За его спиной стояла девушка в лёгком белом сарафане, совсем не соответствующем тому монотонному деловому стилю, которого придерживались другие пассажиры. Если приглашённые на палубу женщины предпочитали строгий фасон брючных костюмов или эпатажных вечерних платьев, то эта особа в корне отличалась от остальных. Полы её сарафана поддавались дуновению ветра, открывая слегка полноватые, но женственные ноги, а распущенные тёмные волосы развевались на ветру и плавно опускались на обнажённые плечи. Это Франческа. Родная сестра Джонатана.

– Тебе нравится здесь? – поприветствовал её вопросом мистер Вудс и вновь отвернулся к океану.

– Нет, – односложно ответила девушка, подставив солнечным лучам своё довольное лицо. Щурясь от яркого света, она улыбнулась и взглянула на брата, будто ожидая следующего вопроса. Но Джонатан промолчал.

Более никто не проронил ни слова. Молодые люди молча любовались бескрайним горизонтом. Каждый был погружен в свои мысли. Весёлый галдёж интеллигентной богемы, который остался за спиной, они не замечали. Каждый проводил время в этом путешествии так, как ему было угодно. А тем временем чёрная точка на горизонте, которую заметил Джонатан ранее, стала приобретать очертания судна, примерно такого же по размерам, как яхта финансистов. Франческа убрала с лица волосы и вгляделась вдаль. Её прищуренный взгляд вмиг обрёл нотки радости. И причиной радости могло быть только то, что в этом океане есть кто-то помимо неё, скучающей на судне своего брата в компании его друзей толстосумов. И хоть незнакомцы были ещё далеко, девушка уже приготовилась махать рукой соседнему борту.

Однако взгляд Джонатана имел несколько иное настроение. Он заметил, что сразу за этим судном чистое безоблачное небо меняет свой оттенок на пасмурно-серый. Будто незнакомцы тянули все тучи за собой. Зрелище фантастическое, и, с определённой точки зрения, даже пугающее. Вскоре, встречное судно заметили и гости, гуляющие по палубе.

– Сэр, вы должны это видеть! – неожиданно раздался голос взволнованного матроса за спиной Вудса.

Джонатан взял в руки протянутый ему морской бинокль и взглянул на незнакомцев вооружённым взглядом.

– Что за чёрт! – воскликнул он.

В бинокле Джонатан увидел то, что происходило на приближающемся судне: несколько человек с автоматическим оружием сутились на палубе и ожидали, очевидно, сближения с яхтой. Особенно на этом фоне выделялся крупный мулат в камуфляже, стоящий за большим пулемётом, чьи сошки были установлены на борту. Будто человек – канонир, а пулемёт – двенадцатифунтовое орудие. Отсутствие каких-либо опознавательных знаков на противоположном судне наводило мистера Вудса на самые пессимистичные мысли.

– Это что, пираты? – растерянно спросил он.

– Я не знаю, Сэр. Но лучше вам и вашим гостям покинуть палубу.

Пираты. Это было так нелепо, что даже не укладывалось в голове. Террористы – так решил думать Вудс, потому что в двадцать первом веке пиратам, в общепринятом понимании этого слова, было явно не место. Гости покинули палубу и затаились в каютах, так же, как и Джонатан с Франческой. На борту яхты обороняться было практически нечем. К подобной встрече в открытом океане, за много миль от ближайшей суши, экипаж был не готов. Только капитан был вооружён именованным кольцом 1911-го года. Он надеялся проскочить мимо незнакомцев и оторваться на полном ходу, но пиратское судно при сближении оказалось ощутимо больше по размерам. Всякие надежды на спасение бегством убило то, что агрессивный корабль пошёл наперерез. Капитан был вынужден лечь в дрейф.

К тому моменту, как яхта остановилась, пираты уже подошли вплотную и сцепили борты. Но вместо абордажных кошек в ход пошли неизвестные технические приспособления, похожие на большие магниты: круизную яхту резко дёрнуло по направлению к захватчикам. Затем последовал абордаж, если это можно было так назвать. Сопротивления вооружённым людям никто не оказал. Нижняя палуба была пуста, как и две верхние. Пассажиры затаились в просторных каютах и наблюдали за расхаживающими по палубе налётчиками через тонированные окна, непроницаемые снаружи. Особенно бросился в глаза пассажирам последний человек, ступивший на борт захваченной яхты. Это был высокий худой мужчина, весьма бледный для моряка. От членов пиратской команды его отличала одежда. Если все остальные были облачены преимущественно в камуфляж синего цвета, то на его плечах от лёгкого ветра развевалась расстёгнутая пёстрая рубашка с разноцветными пальмами. Он стал медленно расхаживать по палубе, пока не остановился у столика, полного банкетной еды. Положив свой автомат на край стола, пират повернулся к окнам капитанской рубки и широко улыбнулся, будто оценивая столь знатный трофей.

Бутылки с разнообразными красочными этикетками, наполовину пустые бокалы, канапе на широком блюде, нечто непонятное и мокрое в миске, наполненной мутной жидкостью... К последнему пират даже принюхался, склонившись над блюдом, но так и не понял, что это. Забрав зубами одну канапе, он оглядел стоящих перед ним на палубе пассажиров, куда вооружённые люди весьма любезно пригласили всех выйти. Матросы, повара и бизнесмены, женщины и мужчины, люди низкого, среднего и высокого достатка – все стояли в одной куче и напряжённо следили за каждым движением бледного пирата, расхаживающего перед столом.

– Что это такое? – озадаченно спросил тот, указав пальцем на миску с непонятным содержимым.

– Это трепанги, – ответил Джонатан Вудс с той уверенностью, какую только смог из себя выдать. – Деликатес.

Пират, сконфузившись, поставил перед пассажирами стул спинкой вперёд и сел на него, продолжая рассматривать публику. Женщины были напуганы, даже несмотря на то, что захватчики ни разу не применили к ним силы. Мужчины же просто стояли неподвижно, не желая никоим образом выделиться из немногочисленной толпы.

Вооружённые люди не обращали на экипаж никакого внимания, оставив присматривать за ними своего товарища в цветастой рубашке. Погрузившись в каюты, они стали выносить вещи, которые грузили в ящики, мешки, и даже пакеты. В основном выносили еду и топливо. Так же вынесли несколько генераторов с прочими техническими приспособлениями, о которых Вудс не имел никакого представления.

Джонатан пытался найти в налётчиках хоть что-то, говорящее об их принадлежности, но все попытки были тщетны. Эти люди даже на террористов не были похожи. Среди них были и латиноамериканцы, и лица европейской внешности и даже азиаты. Они не рыскали по закоулкам яхты в поисках добычи, подобно обыкновенным грабителям, жаждущим наживы. Они, будто, знали, где находится всё то, что им нужно. Работа происходила практически в полном молчании. Вудс ожидал, когда сидевший перед ним пират заговорит о деньгах, о том, что он возьмёт всех в заложники, хоть что-то, что сможет в значительной степени разорить местные кошельки. Но мужчина только и делал, что съедал одну канапе за другой и запивал их шампанским. Ожидание окончательно вымотало Джонатана, и он решился задать вопрос, тая надежду, что не пожалеет об этом:

– Что вам нужно? Кто вы такие?

– Я уж думал, вы никогда не спросите, – лениво произнёс пират и непринуждённо улыбнулся. – Вы уж простите, что мы так беспардонно вторглись на вашу вечеринку. Бояться вам

нечего. И если вы не будете строить из себя героев, защищая частную собственность, сегодня никто не отправится кормить рыб. Мы же не головорезы.

– Чего вы хотите? – вновь спросил Джонатан, осмелев. – Денег?

Бледный пират ответил не сразу. Тяжёлый взгляд его прозрачных голубых глаз застыл на напряжённом лице Джонатана, от чего тот непроизвольно отвернулся. Мужчина встал со стула, подошёл к Вудсу и заговорил умиротворённым голосом, стремясь максимально сбавить напряжение в рядах пленных пассажиров:

– Давай предположим, что мы взяли вас в заложники. Предположим. Ты ведь захочешь выкупить у меня свою свободу, так?

Джонатан вынужденно кивнул, а вслед за ним оживились и остальные. Пират продолжил:

– Сколько ты готов выложить денег за свою жизнь и свободу? Нет, не так, – он хлопнул в ладоши и отошёл на шаг назад, чтобы видеть всех пленников. – Сколько вы все готовы заплатить нам, чтобы выкупить свои жизни? Скидываемся, дамы и господа!

Пассажиры яхты замялись и стали шептаться, искоса поглядывая на своего конвоира. Безучастной стояла только Франческа. Она, на первый взгляд, даже не боялась этих грабителей. Полное отсутствие интереса к происходящему заметил и бледный пират, мельком скользнув по ней взглядом. Через пару минут от лица всех членов экипажа Джонатан протянул несколько подписанных банковских чеков. Пират принял их и с полным безразличием в голосе стал озвучивать цифры.

– Один миллион американских долларов, – оглашал он, листая чеки. – Ещё один миллион американских долларов, полмиллиона, триста...

Дальнейшие чеки он озвучивать не стал, лишь пробежался по ним глазами и под конец озвучил результат:

– Итого получается семь с половиной миллионов американских долларов за вас всех, правильно?

– Да, – кивнул Вудс. – Семь с половиной миллионов.

– Хорошо. Сколько вас человек?

Ответ последовал после минуты пересчёта. От лица экипажа опять отвечал Вудс:

– Двадцать человек.

– Семь с половиной миллионов на двадцать человек, получается... триста семьдесят пять тысяч американских долларов за каждого.

Высчитал нужную сумму пират за считанные секунды, затем повернулся к своей команде и крикнул:

– Сантьяго! Сантьяго, будь добр, принеси мне наш мусорный мешок!

Спустя пару минут рослый смуглый парень, тот самый, который стоял за пулемётом, притащил с пиратского судна требуемый мешок, грязный и увесистый. Он небрежно бросил его к ногам своего бледного товарища и встал чуть поодаль, наблюдая за происходящим не без улыбки. Взяв мешок в руки, пират стал вытаскивать плотные пачки купюр, перетянутые банковскими лентами. Среди них были и широкие британские банкноты, и цветастые корешки длинных австралийских долларов, и мутно-зелёные американские. Внешний вид этих денег был несколько неподобающий: купюры влажные и испачканные, будто на них высыпали содержимое пепельницы и залили всё это помоями. Вытащив нужное количество пачек, пират отряхнул их от мелкой липкой грязи, забрызгав при этом палубу, ещё раз пересчитал и вручил Вудсу, прижав деньги к его чистому пиджаку.

– Вот, держи, – хлопнул пират ладонью по деньгам. – Тут чуть больше, чем ты просишь. Но если хочешь, сдачу ты можешь вернуть. Прости за нетоварный вид, они промокли в бензине, пока ждали тебя. Сойдёт же? Это та цена, которую вы сообща назначили за каждого из вас. Но покупаю я только твою жизнь и свободу. Теперь ты – моя частная собственность.

Джонатан побледнел. Он хотел, было, что-то сказать, но пират вновь заговорил:

– Что такое? Тебе мало? Да ну, брось, не хочешь же ты сказать, что твоя жизнь ценится больше, чем жизнь кого-либо из присутствующих?

Такого поворота Вудс явно не ожидал. Конечно, он оценивал свою жизнь куда дороже, чем жизни людей, которых даже не знал, но заявить об этом во всеулышание даже перед лицом опасности не решился.

– Вы же это не серьёзно? – пытаюсь сохранять достоинство, спросил Джонатан.

– С чего ты взял? Вполне серьёзно. Сейчас ты переберёшься на наш борт и отправишься в путешествие в компании замечательных джентльменов. Чем ты недоволен? У тебя же на руках целая куча денег!

Продемонстрировав широкую улыбку, пират забрал со стола свой автомат и отошёл от пленников. К этому времени всё, что нужно, было транспортировано с яхты на пиратское судно, а налётчики уже стояли в стороне и терпеливо ожидали.

– Толга, завязывай, пора собираться, – раздался крик одного из них.

Бледный пират забрал с блюда последнюю канане и, пережёвывая её, снова обратился к интеллигентной публике:

– Дамы и господа, приношу вам свои искренние извинения за доставленные неудобства. Парень, пошли, нам пора.

– Постойте! – раздался обеспокоенный женский голос Франческа.

Она закрыла спиной своего брата и бросила на Тогу взгляд, полный злобы, паники и отчаяния. В самый последний момент к ней пришло осознание серьёзности сложившейся ситуации.

– Да? Что такое? – удивлённо обернулся пират.

– Так же нельзя! – ещё более эмоционально воскликнула Франческа.

– погоди Фран, я сам, – вмешался Джонатан и вышел вперёд, остановившись в метре от пирата. – Серьёзно, что вы хотите? Давайте договоримся сейчас. У меня большие связи на континенте, меня будут искать, и рано или поздно найдут. В лучшем случае вас просто убьют. А то, что вас найдут, в этом не сомневайтесь.

Толга спокойно выслушал Вудса и после непродолжительной паузы вlepил ему крепкую пощёчину, оставившую на лице красный след. Джонатан опешил от такой неожиданности. Но не успел он опомниться, как получил вторую оплеуху, но уже с другой стороны. Отшатнувшись, он схватился за лицо и удивлённо вытаращился на пирата.

– Сильно тебе помогают сейчас твои связи? – уравновешенно произнёс Толга, всем своим видом показывая, что озвученный вопрос не был риторическим.

– Толга, время! Нам пора! – снова вмешался тот же налётчик, что призывал поторопиться ранее.

– Слышал? Нам пора! – пожал плечами Толга и махнул Вудсу рукой.

Джонатан не смел пошевелиться. Он оцепенел от страха.

– Или ты идёшь со мной, или я тебя пристрелю, – раздражённо обернулся пират и передрнул затвор автомата.

Грозный щелчок отрезвляюще подействовал на Джонатана. Ступить на борт пиратского корабля было равносильно смерти в его понимании. Но весь ужас состоял в том, что мистеру Вудсу фантазия не рисовала те страшные картины, которые его ожидали бы, попади он в руки людей, жаждущих за него выкупа. От этих людей Джонатан просто не знал, чего ожидать. Не был правдоподобным ни один вариант, итогом которых стало бы получение материальной выгоды. Хаотичные метания его мыслей прервала Франческа. Она взяла Джонатана за руку и медленно повела за собой, следуя на борт к пиратам.

– Я пойду с ним, – твёрдо заявила девушка.

– За вашу жизнь я денег не платил, сеньорита, – заметил Толга.

– Моя жизнь не стоит денег, – произнесла девушка, встретившись с пиратом взглядом.

Толга удовлетворённо улыбнулся и подал ей руку. Франческа проигнорировала этот жест и спрыгнула на палубу, а за ней следом и её брат.

Вскоре пираты отцепились от борта дрейфующей яхты. Джонатан до последнего не сводил с неё глаз. В тот момент он поймал себя на мысли, что это роскошное, презентабельное и вызывающее у многих зависть, транспортное средство он видит в последний раз. Однако взгляд его сестры был обращён в противоположную сторону. Девушка разглядывала горизонт в том направлении, куда держали курс пираты. Туда, где небо было затянуто плотными тучами, а океан был более беспокоен, чем здесь.

– Всегда, когда жребий выпадает тебе, ты устраиваешь клоунаду, – ворчал Сантьяго.

– Надо же как-то развлекаться, – оправдывался Толга, снимая цветастую рубашку и переодеваясь в такую же, как у всех синюю камуфляжную куртку.

– Ну а за каким чёртом мы взяли с собой этих?

– Ничего ты не понимаешь. Это воспитательный момент. Я сойду в Пуэрто-Транкило и прихвачу с собой наших гостей. Мы пойдём пешком, а вы отправляйтесь домой и разгрузайтесь.

Сантьяго в ответ только отмахнулся и ушёл с палубы. И в этот самый момент к Толге подошёл Джонатан Вудс, имея весьма встревоженный вид.

– Что теперь с нами будет? Что вы от нас хотите? Я не понимаю!

– Для начала успокойся, – произнёс Толга и присел на цистерну, стоящую у борта. Затем зажал губами мундштук курительной трубки и стал потихоньку её раскуривать. Дым имел совсем не табачный аромат, а, скорее, мятный, и совсем не отталкивающий. Мельком взглянув на стоящую позади Джонатана девушку, Толга продолжил:

– Бери пример со своей подруги: она нисколько не переживает, что находится в компании вооружённых мужчин. Стыдно, молодой человек.

– Я его сестра! – уточнила Франческа, нахмутив брови.

Толга, услышав сию новость, отпустил из губ трубку и улыбнулся, останавливая взгляд то на брате, то на сестре Вудс, будто сравнивая.

– Выворачивай карманы, парень, – обратился он к Джонатану после непродолжительного молчания.

Вудс выполнил приказ без особого энтузиазма. Он стал протягивать в руки пирату различные мелочи, от которых по очереди очищал свои карманы: ключи, несколько купюр, чековая книжка, паспорт и позолоченная ручка, весьма дорогая на внешний вид. Толга вернул Вудсу всё, кроме паспорта. Его взгляд остановился на обложке синего цвета, на которой был изображён орёл, распахнувший свои крылья.

– *Tenemos estadounidenses en nuestro barco!* – прокричал он во весь голос, но практически никто из команды даже не обернулся, равнодушно продолжая делать свою работу.

– Джонатан Уильям Вудс, – прочитал Толга, перелистнув страницу. – А как зовут твою сестру?

– Франческа, – покладисто ответила девушка за себя.

– Очень приятно Франческа. А я Толга.

Пират дружелюбно улыбнулся и стал отрывать страницы из паспорта Джонатана, методично, одну за другой, в конечном итоге оставив только синюю обложку.

– Что вы делаете! – возмутился мистер Вудс, но ступить даже на шаг вперёд, чтобы помешать этому, не решился. А Толга, выбросив всё за борт, повернулся к своим собеседникам и с непринуждённым видом вопросительно взглянул на недовольного Джонатана.

– Что-то не так?

– Зачем вы это сделали?! – произнёс Джонатан, с сожалением глядя на разлетающиеся по ветру страницы.

– А для чего тебе паспорт?

– Как... – потерял американец дар речи. – Это же паспорт! Вам он может и не к чему, а в цивилизованном мире это документ, удостоверяющий личность. Кто я теперь без него?

Седой пират, проходящий мимо с тяжёлой цистерной, сдержанно усмехнулся, услышав последние слова. Улыбнулся и Толга, удручённо потирая лоб. Даже Франческа не сдержала улыбки, потупив взгляд, будто стыдясь за своего брата. Вудс заметил реакцию окружающих, от чего ему стало ещё более дурно.

– Ты ещё не забыл, что ты человек? – вздохнул Толга и отвернулся к воде, пуская короткие струи дыма по ветру. – Кто ты по профессии? Нет, Франческа, ответь ты, кто твой брат по профессии? Чем он занимается?

Девушка замялась, но не от нежелания говорить, а потому, что даже не представляла, как описать то, чем занимался Джонатан. Пауза достигла такой продолжительности, что Толга повернулся Вудсу и дополнил свой вопрос ожидающим взглядом.

– Инвестиции, финансы, управление капиталом, – ответил на вопрос сам Джонатан.

– Это понятно, а что ты делаешь? В чём заключается твоя работа?

– Я провожу анализ рынков и управляю счетами своих клиентов.

Толга выдержал паузу и упрямо сжал губами мундштук трубки, пустив по ветру ароматную струю дыма.

– Хочешь, я расскажу тебе, в чём заключается твоя профессия? – начал пират с вопроса, ответ на который ему в принципе был не нужен. – Ты обыкновенный спекулянт. Самый обыкновенный. Но ладно, если бы ты зарабатывал на чём-то материальном, так ты, к тому же, покупаешь и продаёшь то, что никогда не видел и не увидишь собственными глазами. Твой товар – абстракция, которой дали название. Ты, конечно, извини, но у тебя самая бесполезная профессия из всех.

Джонатану не нашлось чем парировать, и он просто отвёл взгляд.

– Если вам не нужны деньги, что вам от нас нужно? – ещё раз поинтересовался он, обречённо глядя на своего пленителя.

– Мне ничего от вас не нужно. А вот вам от меня... – Толга прокашлялся и улыбнулся. – Я хочу вам кое-что показать.

– Что показать?

– Другой мир.

Сады Королевы

Океан бережно омывал своими раскатистыми волнами бесконечное песчаное побережье. Серые тучи, полностью затмившие собой небо, не пропускали ни единого солнечного луча, поэтому даже в дневное время суток тут стоял удручающий сумрак. Бледный песок на горизонте плавно перетекал в высокие дюны, которые имели весьма причудливые формы. А ветер с океана не переставая гнал волны к берегу, раз за разом накрывая ими песочный покров и оставляя пенные разводы. На самом деле, несмотря на всю мрачность этого пейзажа, было в нём что-то романтическое, отчуждённое. Если поначалу беглый взгляд на побережье рисовал образы небольшого клочка суши, то с течением времени горизонт становился всё более отчётливым. Он предоставлял взору величественные творения природы необъятных размеров, будто это был вовсе не маленький островок, а целый материк.

Небольшая лодка медленно подходила к берегу. Франческа и Джонатан Вудс крепко держались за борта этой крохотной посуды, ибо волны раскачивали её так сильно, что не мудрено было в любой момент свалиться в воду. Их взгляды были устремлены на величественные дюны, которые своими размерами и формами походили на африканские пустынные барханы. И это зрелище было достойно восторженного созерцания. Толга сидел на вёслах спиной к берегу. Он лишь изредка поглядывал на своих спутников с ироничной ухмылкой, которая то и дело после каждой пройденной волны сходила с его лица. Когда лодка благополучно подошла к берегу, пират выскочил за борт, ступив на мелководье, и стал затаскивать посудину подальше на песок. Он махнул рукой Вудсам и велел сойти на берег, что они без промедления и сделали. На Джонатана Толга водрузил толстый рюкзак, а сам забрал со дна лодки свой автомат и направился к тем самым дюнам, на которые всю дорогу глазели его спутники.

– Не отставайте, любезные! – крикнул пират через плечо, забираясь на первый бархан. От каждого его шага на песке оставался большой след мокрой обуви.

Небо до сих пор было затянуто огромными серыми тучами. Но, тем не менее, было достаточно светло, чтобы увидеть перед собой бескрайние просторы. Безмолвная пустыня раскинулась на сотни метров и уходила за горизонт, а единственным признаком жизни в ней был ветер, который свистел между песчаными холмами. Несколько часов путники шли по этим дюнам, следуя неизменному курсу. Джонатан уже еле передвигал ногами, утопая в холодном песке своими лакированными туфлями. Его молодая сестра шла с ним за руку, аналогично изнывая от усталости. Пот с них лился ручьём, но многочисленные мольбы о привале к их проводнику наткнулись на принципиальное молчание. Что касается Толги, то он не показывал признаков усталости. Он использовал свой автомат как трость и держался за дуло, погружая металлический приклад в сухой песок на половину. Так идти было легче.

– Я больше не могу! – внезапно раздалось за его спиной.

Это был Джонатан. Отпустив руку своей сестры, он бросил рюкзак, осел на песок и тяжело задыхался. Лицо его было устремлено в небо, закрытое плотным слоем туч. Солнечные лучи местами пробивались сквозь эту завесу. И если бы не тучи, это солнце наверняка бы прикончило Вудса.

Толга остановился.

– Хватит ныть! – презрительно огрызнулся он. – Посмотри на свою сестру, разве она жалуется? А я сомневаюсь, что она устала меньше тебя.

– Вообще то, – сквозь тяжёлое дыхание проговорила Франческа, – я тоже вымотана до предела. И сейчас уже точно не пойду дальше, раз уж мы остановились.

Девушка упала на колени рядом со своим братом и прильнула ладонями к песку.

– Я хочу пить! – взмолился Джонатан У вас есть вода?

Смерив уставшего американца строгим взглядом, Толга указал рукой на высокий бархан, раскинувшийся метрах в ста впереди.

– Вода за тем холмом, – отдышавшись, произнёс он. – Вода, еда, прохладная ванна и тёплая кровать. Всё находится за тем холмом.

Затем он открыл пробку у своей фляги, висевшей на поясе, и сделал из неё пару экономных глотков. Мистер Вудс, наблюдая за этим провокационным жестом, промолчал. Он просто не имел сил на какие-то возражения. Толга поднял Франческу за руку и отряхнул песок с её платья.

– Давайте, последний рывок! – крикнул он, хлопнув в ладоши, и ушёл вперёд. – Не расстраивайте меня. Поднимайся, американец, или уйдём без тебя.

Толга больше не стал оборачиваться на своих спутников. Джонатан, завидев увеличивающуюся дистанцию, поспешил встать. Шатаясь, еле сохраняя равновесие на такой неустойчивой почве, в конце концов, он поднялся на ноги и побрёл следом. Шёл он последним, пытаясь догнать сестру, которая уже взбиралась на холм. Франческа, казалось, открыла в себе второе дыхание, ибо темп её шагов значительно увеличился. Она практически нагнала Толгу, который к тому времени уже стоял на самой вершине и с упоением смотрел вперёд.

Вскоре к нему присоединились и остальные. То, что они увидели, непроизвольно заставило их затаить дыхание и забыть о жажде. Взору предстал целый город, огромный по протяжённости, уходящий за обозримый горизонт. И это был не современный мегаполис, подобно Бостону или Нью-Йорку, которые привыкли видеть Вудсы. Именно это и завораживало: черепичные крыши небольших двухэтажных домов раскинулись далеко вперёд, представляя собой красную ребристую «равнину». Её разбавляли самые настоящие архитектурные шедевры, вздымаясь высоко над крышами: огромные памятники, часовни, колонны высоких строений и даже маяк, мерцающий вдалеке. Город стоял отнюдь не на пустынном песке. Здесь было достаточно растительности, которая озеленяла улицы и каменные стены. А внутри этого города кипела жизнь. Это было видно и слышно даже с песчаного бархана, с которого путники медленно сошли. Они продолжили свой путь спокойным размеренным шагом, заходя в черту города. От их усталости не осталось и следа.

Это место напоминало одновременно и старую цветущую Гавану времён испанского господства, и античные Афины, и даже средневековый Иерусалим – здесь было понемногу от каждой эпохи. Кругом сновали люди в самых различных одеждах. И этот колорит был настолько удивительным, что Мистер Вудс и его сестра не могли оставить его без внимания. На лавке под могучим сводом лиственного дерева сидел человек, облачённый в платье, которое люди носили разве что во Флоренции эпохи Ренессанса. Ещё один человек, который прошёл мимо Толги, был облачен в современный, идеально выглаженный пиджак. И на данный момент этот человек выглядел куда солиднее мистера Вудса, чей костюм был мокрый, мятый и испачканный песком. Так же контрастировали в одеяниях и маленькие загорелые дети, бегающие по широкой улице. Франческа, медленно ступая босыми ногами по тёплой каменной брусчатке, обернулась вслед мальчишке арабской внешности, который, пробежав мимо, задел полы её сарафана. На вид ребёнку было лет восемь, но что больше привлекло внимание в нём, так это его пончо, выполненное из шёлка. Элегантные дамы шли по той же улице, ведя за руку совсем юных леди в пышных платьях с корсетами. Франческа такие платья на человеке видела разве что только по телевизору, в фильмах об английских принцессах. И тут же в небольшом сквере озорная детвора играла в мяч в современных красочных майках.

Улицы кипели жизнью. Новоприбывшие американцы даже не сразу поняли, что практически все окружающие люди говорят на незнакомых языках. Английский тоже проскакивал, но на общем фоне он был практически незаметен. Но никто не встречал языкового барьера. Общение происходило непринуждённо, легко, будто такое разнообразие было в порядке вещей. А так оно здесь и было.

Наконец, Толга остановился на небольшой площадке, уставленной деревянными столиками, за которыми обедали люди. Один из столиков заняли и путники. Джонатан расслабленно опустил рюкзак на землю и ещё раз оглянулся по сторонам, перед тем, как обратиться к Толге. Но, прежде чем он это сделал, пират поднёс указательный палец к своим губам:

– Я не скажу тебе ни слова, пока не поем.

К столику подошёл высокий светловолосый человек, чьё лицо озаряла самая дружелюбная улыбка, какую только можно увидеть. В руках у него был поднос с тремя тарелками горячего супа, которые он сразу же оставил на столе. Приветствуя этого человека, Толга встал и заговорил с ним на незнакомом языке. Это был русский, как показалось Джонатану, судя по чётким произносимым согласным и знакомым коротким междометиям. Вскоре Толга похлопал мужчину по плечу и сел на своё место. Глубоко вдохнув аромат, исходивший от супа, он приступил к трапезе. Повар не отходил от столика до тех пор, пока его гость не испробовал первую ложку. И только после одобрительной мимики пирата, он удовлетворённо кивнул и отправился с пустым подносом в здание ресторана, откуда пришёл.

За всем впечатлением, которое произвёл на американцев этот город, никто из них не заметил, что удручающий сумрак пустыни сменился ярким солнечным светом. Тяжёлые тучи и океанская прохлада остались где-то там, за последним барханом, а здесь была совершенно другая погода. Даже тот факт, что суп был принесён к столу без какого-либо заказа, не удостоилось внимания.

Толга доел раньше всех и, отодвинув пустую тарелку, сразу же достал из кармана свою трубку и стал раскуривать её прямо за обеденным столом. Сквозь тонкие струи ароматного дыма он молчаливо уставился на своих спутников, будто предвкушая что-то. Очевидно, предвкушал он вопросы, которые вот-вот должны были посыпаться на него.

– Что это за место? – начал Джонатан.

– Это город. Разве ты не видишь?

– Я вижу. Что это за город?

– Просто город.

– А название у него есть?

– Нет.

Наступило неловкое молчание. Джонатан с трудом проглотил последнюю ложку своего супа и вопросительно уставился на своего проводника.

– Я не совсем уверен, что понимаю вас...

– Это место, – Толга сделал характерный жест трубкой, описывая пространство вокруг, – все называют домом. Это как если бы местный житель находился за чертой этого города и его спросили «куда ты направляешься?», он бы ответил – «домой».

– Но это не мой дом. Как мне называть это место? – не унимался мистер Вудс.

– Да как хочешь, – пожал плечами Толга, – так и называй.

– А паспорт? Вы порвали мой паспорт! У меня есть тут хоть какие-то права без паспорта?

Толга выдохнул большой сгусток сизого дыма и не без доли раздражения взглянул на Вудса сквозь образовавшуюся пелену:

– Последнее, что в тебе интересовало бы здесь кого-то, это твой паспорт.

– Хорошо, – вздохнул Джонатан. – А что мы вообще здесь делаем? Вы ограбили мою яхту посреди Атлантики, похитили нас и переправили в совершенно непонятное место, которое, к тому же, не имеет названия. Что вы от нас хотите?

Толга перевёл взгляд с взъерошенного Джонатана на его сестру. Она тоже покончила со своей порцией супа, но в разговор мужчин не вникала. Её внимание было целиком обращено на светлые улицы, заполненные людьми.

– Понимаешь ли, в чём дело, – продолжил пират, – Я очень капризный человек. Иногда то, что я делаю, я делаю по велению своего желания. Просто потому что я так хочу. Без объ-

яснения причин. Я думаю, тебе будет полезно побывать в этом городе. Да и не только в городе. Остров большой, ты много чего увидишь. Я что, обращаюсь с тобой не по-человечески? Аморально? Или, может, жестоко? Что тебе не нравится, парень?

– Мне не нравится то, – повысил голос Вудс, – что мне и моей сестре ограничили свободу. В конце концов, вы нарушаете наши права! Вы похитили нас и удерживаете силой просто потому, что вам так захотелось? Да вы сумасшедший! Я не знаю ваших намерений – вот что меня пугает. Да, ваше обращение к нам, как к пленникам, необычно. Но это не отменяет того факта, что мы ваши пленники!

Джонатан особенно выделил свои последние слова, даже сопроводил их характерной жестикующей. Толга на это отреагировал сдержанно. Он встал со стула, закинул ремень автомата на плечо и медленно направился к главной улице, кивнув американцам, чтобы следовали за ним. И они последовали. Джонатан даже вновь прихватил тот тяжёлый рюкзак, который тащил по пустыне. Дальнейший диалог продолжался уже в пути. Толга вёл Франческу и Джонатана по центру проспекта, ведущему неуклонно прямо, вглубь города.

– Раз ты так печёшься о своей свободе, – продолжил пират, не оборачиваясь, – давай поступим так: я хочу, чтобы вы провели в этом городе несколько дней. А потом, если захочешь, я лично доставлю вас в Порт-о-Пренс, откуда ты сможешь вернуться домой в свои Штаты, восстановить паспорт и объявить меня в международный розыск. Договорились?

– Несколько дней? – нахмурился Джонатан. – И где мы всё это время будем жить?

– Не в клетке, не бойся, – пробормотал Толга и ускорил шаг.

Джонатан утомлённо вздохнул и не стал более задавать вопросов на эту тему. Никакого другого выхода, кроме как подчиниться обстоятельствам, он не видел. Да и обстоятельства, по правде говоря, он ожидал более плачевные, чем незапланированное путешествие по новому месту, весьма привлекательному на первый взгляд.

Окружающая обстановка и городской пейзаж навевали ощущение необыкновенного уюта. Наручные часы мистера Вудса показывали без четверти восемь вечера и, соответственно, солнце светило уже не так ярко. Тёплые лучи небесного светила, скрывающегося за крышами домов, озарили стены строений карамельного цвета. Стены эти были покрыты вьющимися растениями, тянувшимися от самой земли. Дополняли картину и частые цветы, выставленные в расписных глиняных горшках на каждом углу. Наверное, именно благодаря такому обильному количеству растительности воздух был здесь так лёгок и свеж. Человеку, который провёл большую часть сознательной жизни в мегаполисах, заполненных выхлопными газами и прочим промышленным дымом, такой свежий воздух без труда вскружил бы голову.

Непринуждённость и необыкновенная лёгкость царила вокруг, и это было явно несвойственно тому представлению о социуме в понимании Джонатана Вудса, привыкшего к тому, что жители его родного Нью-Йорка проводят свои дни в постоянной спешке и суете. Здесь жизнь текла медленно, размеренно и в какой-то мере даже лениво. В глаза бросались детали человеческого поведения, которым молодой американец сперва не придавал значения. За всё время пути не встретилось ни одного вида транспорта, будь то автомобиль, велосипед или гужевая повозка. От того, наверное, улицы были так чисты и ухожены. Всё это не укладывалось у Джонатана в голове, и он то и дело обращался к Толге с вопросами о заинтересовавших его деталях, встреченных по пути. Франческа же молчаливо любовалась окружающим её городом, встречая своей улыбкой прохожих. И прохожие отвечали ей тем же, а один сеньор в широкополой шляпе даже остановился и сделал небольшой приветственный поклон, дотронувшись пальцами до своего головного убора. Казалось, Франческу и вовсе не волновало, что это за место, и уж тем более, как оно называется. Относительная учтивость Толги заставила её расслабиться и просто плыть по течению, тем более что с каждым часом для неё открывались новые сюрпризы в самом удивительном путешествии в её жизни.

– Buenas tardes, señora, – поприветствовал Толга хозяйку гостиного дома.

Хозяйкой оказалась элегантная женщина с темными вьющимися волосами. Её эффектное платье огненно-красного цвета стало первым, что бросилось в глаза. На вид эта женщина была явно старше молодого пирата, но не на много. Её строгие губы изогнулись в улыбке. Ответила на приветствие Толги хозяйка так же по-испански и немногословно. Обратив внимание на гостей, она вскользь пробежалась по присутствующим кротким взглядом и вновь обратила его к Толге. У них завязался диалог. Беседа велась на испанском языке, поэтому Джонатан с Франческой просто стояли в ожидании, ибо ничего другого им не оставалось.

Взгляды американцев блуждали по помещению. Оно представляло собой уютную гостиную, обставленную в викторианском стиле. Здесь было и электричество. Скромная, но привлекательная люстра скрывала под собой несколько ламп, которые и освещали комнату. Плотные шторы в гостиной закрывали окна, выходящие на главную улицу. Ту самую длинную улицу, тянущуюся артерией через большую часть города.

– Ну что ж, – обратился Толга к Вудсам, приобняв их за плечи. – Я оставляю вас в руках этой замечательной женщины.

Джонатан как-то растерянно взглянул на пирата, но тот, избегая вопроса, на который не хотел отвечать в данный момент, сразу же продолжил:

– Я приду к вам через неделю. Отдыхайте.

Сказав последние слова, он поспешил откланяться и покинул дом, махнув на прощание рукой хозяйке. Как только входная дверь захлопнулась наступило неловкое молчание. Оно было прервано спустя минуту обмена растерянными взглядами:

– Джонатан, Франческа, приятно познакомиться, меня зовут Елисея, – начала женщина, сопровождая свои слова прежней дружелюбной улыбкой. Заговорила она по-английски, но с акцентом. – Толга рассказал мне про вас и ваше небольшое путешествие, поэтому если появятся какие-то вопросы, а они обязательно появятся, буду рада помочь с поисками ответов на них. А сейчас пойдёмте, я покажу ваши комнаты.

Хозяйка повела гостей вверх по лестнице на второй этаж. Дом был небольшой, поэтому в коридорах заблудиться было невозможно. Толкнув двери, Елисея продемонстрировала две комнаты, не сильно отличающиеся друг от друга. Разница была лишь в наличии балкона у одной комнаты и отсутствием одного у другой.

– Выбирайте, кому какая больше нравится.

Франческа первая сделала свой выбор и зашла в комнату с балконом, выходящим во внутренний двор с цветущей сиренью. Она обернулась вокруг себя, окинула взглядом свои покои и довольно улыбнулась:

– Благодарю, Елисея, ваш дом чудесен!

Хозяйка дежурно улыбнулась в ответ и собралась было откланяться, но Джонатан остановил её, слегка придержав за руку:

– Могу я с вами побеседовать? Вы бы ввели меня в курс дела, рассказали о городе... О Толге... Поймите, мы с сестрой находимся в незнакомом месте, и информация была бы не лишней.

– Конечно, – Елисея деликатно освободила свою руку от прикосновения Джонатана. – Только учтите, мне были даны инструкции от нашего общего друга касательно некоторых вещей, о которых вы можете спросить. Поэтому не обижайтесь, если на некоторые вопросы я ответить не смогу.

Хозяйка улыбнулась с некоторым сожалением, как бы ища понимания, но даже такой ответ удовлетворил Джонатана.

– Перед вашим приходом я открыла бутылку замечательного вина, так что вы как раз вовремя. Идёмте в сад.

Смеркалось. Солнце уже скрылось за горизонтом, а на улицах зажглись фонари. Вечерняя прохлада пришла на смену теплоте дня, но нельзя было сказать, что стало холодно. Стало свежо. Где-то на улицах ещё бродили люди, слышны были их негромкие голоса. В саду на заднем дворе гостиного дома эти голоса едва замечались. Они были обычным фоном и не мешали беседе.

– Что это за город, Елисея? Куда мы попали? – задал свой первый вопрос Джонатан, принимая бокал вина от своей домовладелицы.

– Этот город – сердце Садов Королевы, – ответила Елисея, подавая бокал Франческе. – Это дом для всех, кто находится на острове. Соответственно, и ваш дом тоже.

– Садов Королевы? – переспросил Джонатан.

– Это название нашего острова.

– Первый раз слышу, – задумчиво пробормотал мистер Вудс, пролистывая в памяти название, будто могла быть возможность, что он раньше где-то его слышал. – А под юрисдикцией какого государства находится этот остров?

– Никакого, – снисходительно ответила Елисея и выдержала паузу, отпив вина из своего бокала. – Никто не знает о существовании этого острова.

– Как так? – удивлённо сдвинул брови мистер Вудс. – В мире есть ещё одно островное государство, о котором никто не знает?

– Толга просил не углубляться с раскрытием этой темы. Могу только сказать, что Сады Королевы это то место на Земле, куда извне по своей воле попасть невозможно.

– Интересные дела...

Вудс горестно усмехнулся, а затем сделал глоток вина.

– А что это за «Королева»? – задала свой вопрос Франческа, воспользовавшись молчанием брата. – Чьи это «Сады»?

– Это целая история, – мечтательно вздохнула Елисея. – На самом деле, Королева, в чью честь названы эти земли, никогда здесь не была. Ещё в пятнадцатом веке один идадьго был влюблён в молодую жену европейского монарха. Она к нему тоже испытывала некоторые чувства, но с её стороны они были дружескими. Нежными и тёплыми, но дружескими. К тому же, Королева была очень набожной, и не могла допустить даже мысли о сторонней связи, будучи в браке, заключённом перед ликом Господа. Когда Дон Кристобаль Колон открыл миру Новый Свет, идадьго отправился в Атлантический океан, как и все исследователи королевства. Но его экспедиция была частной, организованной не католическими королями, а лично им. Говорят, он вложил в своё предприятие всё своё наследство. И мёртвый штиль, и дьявольский шторм довелось пережить его команде за время пути, но, пройдя через всё это, идадьго обнаружил на горизонте землю. Долгожданное открытие было немедленно нанесено на карту. Сойдя со своего корабля, он был поражён уникальной красотой здешней флоры. Невиданные до тех пор растения и животные поразили всех людей, сошедших на берег, потому что аналогов всему этому ещё не было во всём мире. Местная природа отличалась даже от разведанных на тот момент земель Нового Света. Экспедиционная команда исследовала весь остров вдоль и поперёк, на что ушло довольно долгое время. И чем больше они исследовали своё открытие, тем больше восхищались мастерством Творца. Это был девственно прекрасный остров, не тронутый ни одной цивилизацией. А обилие уникальных природных феноменов и невиданных растений походило на самые настоящие сады. Цветущие сады. Закончив свои исследования, воодушевлённый идадьго составил подробную карту этих мест и поспешил вернуться на родину, в Европу, чтобы подарить миру известие о своём открытии. И открытие он хотел посвятить своей возлюбленной. Бескорыстно, как старый близкий друг и верноподданный своей Королевы. Он хотел преподнести эту землю как подарок. Но по прибытии в Европу его ждали горестные вести – Королева скончалась. Что тут скажешь, он был, очевидно, расстроен!

Елисея замерла на минуту, глядя в пустоту. Собравшись с мыслями, она продолжила:

– Ему была уготована слава первооткрывателя такого чудесного места! Но он не сказал никому о своём открытии. Набрал команду для второго путешествия, потратив свои последние сбережения на всё необходимое, идальго вернулся сюда и остался тут до конца своих дней. Он не передумал посвящать эту землю своей возлюбленной, но дал острову не её имя, а такую вот абстрактную метафору. Сады Королевы.

Наступило молчание. Елисея погрузилась в свои мысли. На Франческу эта история произвела неоднозначное впечатление. Вздохнув, девушка отставила свой бокал и встала под тонкими ветками сирени, утонув в их терпком аромате.

– Значит, попасть по своей воле сюда всё-таки можно, – с серьёзным видом заявил Джонатан. – Ведь этот идальго как-то же наткнулся на остров. В наше время в открытом океане находят самолёты, потерпевшие крушение, мимо суши они точно не пройдут. Разве нет?

– Кто «они»? – спросила Елисея со снисходительной улыбкой.

– Ну, – растерялся Вудс. – Да не важно кто! Спасатели, туристы, военные. Это же, получается, возможно придать огласке целый остров, который всё это время был буквально перед носом – в Атлантике!

– Нет, это не возможно, – категорично заявила Елисея.

– Почему нет?

– Вопрос, закрытый для обсуждения.

Хозяйка пожалала плечами и сделала последний глоток своего вина.

– А Толга? Кто он? – снова обратилась Франческа, не отворачиваясь от цветущей листвы.

– Он собиратель.

– В каком смысле «собиратель»? – не донеся бокал до своих губ, удивился слову Джонатан.

– Так в Садах Королевы называют тех, кто передаёт острову гостинцы из внешнего мира. Вашего мира.

– Ничего себе, собиратель, – возмутился Джонатан. – Да он же просто грабит мимо проходящие суда! Это называется пиратство, сеньора.

– Как вам будет угодно, – рассмеялась Елисея. – Часто бывали случаи, когда торговые суда были, с позволения сказать, ограблены, но не всегда они были ограблены теми, кто грабил ради собственной наживы.

– А ваши собиратели это делают не ради наживы?

– Отнюдь, – не согласилась Елисея. – Когда в вашем мире капитализма плантатор собирает хороший урожай, он считает деньги, которые он получит за его продажу. Когда плантатор из Садов Королевы, назовём его так, собирает хороший урожай, он считает людей, которые будут сыты.

– Но мы говорим о пиратстве...

– Хорошо. Когда головорез и бандит грабит торговое судно, он считает, сколько денег выручит за продажу награбленного. Когда собиратель грабит торговое судно, он считает... людей, которые будут сыты. Опять-таки, некоторая техника на острове появилась благодаря собирателям. И топливо, и генераторы, и даже кое-какой водный транспорт. Любые полезные вещи попадают на остров благодаря им.

– А почему островитяне скрываются от остального мира? – спросила Франческа, пожав плечами. – Никого бы и грабить не пришлось.

– Закрытый вопрос, – опять ушла от ответа Елисея, отделившись улыбкой.

– И ещё, – озадаченно нахмурился мистер Вудс. – Что это за дела творятся на судне этих собирателей? Весьма свинское отношение к деньгам по меркам пиратов. Денег у них, видимо, немерено, что они хранят их в каких-то мешках для отходов. Толга при мне достал оттуда четверть миллиона долларов и буквально пустил их по ветру! И раз им не нужны от меня деньги, почему мы с сестрой были похищены?

– Что касается денег, то, думаю, Толга хранил их там, где им и место – в мусорном мешке, а что касается вас, то всё просто. Не все люди, живущие в Садах Королевы, родились здесь. Например, я родилась в Сан-Хуан де Пуэрто-Рико. И на остров меня пригласил молодой пират, который называл себя именем Толга.

Улыбка не сходила с лица Елисеи. Предавшись ностальгическим воспоминаниям её голос даже немного задрожал. Но, заметив это, женщина постановочно кашлянула и подняла глаза на своих собеседников.

– Толга... – произнёс Джонатан, опять погрузившись в недра своей памяти. – Где-то я уже слышал это слово, никак не могу вспомнить, что это. Кажется, это название города?

– Да, это так. Толга это маленький городок на востоке Австралии.

– Так он австралиец? Взял себе прозвище в честь своего родного города?

– Нет. Он родом из далёкой России. А почему он взял себе такое имя, я не знаю. Он никогда не говорил.

Елисея опустила взгляд. Хоть лица её не было видно, ощущались нотки грусти в её молчании.

– А «Елисея» это ваше настоящее имя? – поинтересовалась Франческа.

– Нет. Обычно, некоторые, решая остаться в Садах, выбирают себе новые имена. В новую жизнь с новым именем.

– И так, – усмехнулся Джонатан, допив до дна своё вино. – Мы попали сюда, и Толга рассчитывает, что спустя неделю я захочу здесь остаться?

– Сомневаюсь, что он на что-то рассчитывает, – с укором взглянула на Вудса Елисея. – Он предоставил вам возможность изменить свою жизнь.

– Променять целый огромный мир на маленький остров? Так себе выбор, если честно.

– Сады Королевы больше, чем вы думаете. Гораздо больше.

– Что ж, ладно, – вздохнул Джонатан. – А что на счёт паспорта? Этот... собиратель разорвал мой паспорт. У меня не будет здесь с этим проблем?

Услышав этот вопрос, Елисея звонко рассмеялась.

– Он ведь и мой паспорт разорвал когда-то! Вот уж не любит он эти маленькие книжки. Не волнуйтесь мистер Вудс, у вас не будет здесь проблем с вашим паспортом. Вернее, с его отсутствием.

Взглянув на свои крохотные наручные часы, Елисея тяжело вздохнула и поднялась со скамейки:

– Прошу прощения, дорогие гости, уже поздний час... Спокойной вам ночи. Завтра у вас, несомненно, интересный день.

– И вам спокойной ночи, сеньора, – дружелюбно произнесла Франческа вслед.

Она проводила взглядом женщину и присела рядом с братом на скамейку. Затем подняла голову к звёздам и полной грудью вдохнула свежий прохладный воздух, наполненный ароматом душистой сирени. Удаляющиеся шаги Елисеи сменились дверным скрипом, после чего в саду воцарилась тишина.

– Ну, что думаешь, Фран? – произнёс почти шёпотом Джонатан спустя некоторое время.

– Я думаю, что мне всё это очень нравится, – ответила ему сестра, взглянув в глаза.

– Что? Ты серьёзно?

– Да, Джон, я серьёзно. А ещё я думаю, что потом ты скажешь Толге спасибо.

– Ну, вот ещё, – рассмеялся Вудс. – Я засажу этого пирата за решётку, когда мы выберемся отсюда. Чувствуй всё это, что остров нельзя найти. Наверняка уже ведутся поиски. Я не такая уж и незаметная фигура в Нью-Йорке.

– Дурак ты, Джон. Дурак...

Один день

Довольно скоро наступило утро. Солнце взошло над островом рано, подарив горожанам красивейший рассвет. Вместе с рассветом проснулись и люди. А некоторые, к слову, и вовсе поджидали этот рассвет, сидя на крышах домов. На часах было всего семь утра. Для кого-то это то самое время, на которое ставят будильники, но здесь, в Садах Королевы, это было время всецелого бодрствования. Люди заполнили улицы, залитые солнечным светом. Проснулся и мистер Вудс. Ночь, проведённая на новом месте, не позволила его сознанию пребывать в расслабленном состоянии даже во сне. Свет едва пробивался сквозь плотные шторы, закрывавшие окно в его комнате, и стоявший в помещении полумрак создавал иллюзию ночи. И, только отодвинув штору, Джонатан удостоверился в истинном времени суток.

– Ну, посмотрим...

С этих слов и начался его день. Разумеется, вполне логичным с его стороны было поинтересоваться, как дела у сестры, что он и сделал. Но на его стук в дверь Франчески никто не ответил. Дверь её, к тому же, была не заперта. Комната пустовала. Это Вудса не беспокоило. Наверняка, она встала раньше. Внизу на первом этаже он её тоже не обнаружил. «Значит, ушла самостоятельно», – подумалось Джонатану за неимением других вариантов. Удручённо вздохнув и пошарив по карманам, он обнаружил свою многострадальную чековую книжку и несколько долларов. Понадеявшись, что их хватит на какой-нибудь скромный завтрак, Вудс застегнул свой пиджак, поправил воротничок рубашки и вышел из дома.

Со вчерашнего дня на улице ничего не изменилось. Разве что люди стали носить на головах венки, сплетённые из каких-то цветов насыщенного синего цвета. «Должно быть, сегодня какой-то праздник», – пришёл к выводу Джонатан. Не спеша продвигаясь по улице, он обнаружил, что такие венки носят абсолютно все: и дети, и взрослые. И только он один выделялся среди них тем, что его голова сверкала отсутствием этого украшения. Но ненадолго. Сзади со звонким смехом пробежали две девушки, облачённые в цветастые парео и купальники. Они водрузили такой же венок на голову мистера Вудса. Это стало для него неожиданностью, от чего даже последовал лёгкий испуг. Но вся строптивость Джонатана улетучилась в тот же миг, как он увидел красивые улыбающиеся лица милых девушек. Остановливаться на Джонатане они не стали. Игриво тряхнув вьющимися светлыми волосами, они побежали дальше и вскоре скрылись из виду, затерявшись в толпе.

Вудс снял с головы это украшение и стал вертеть его в руках, рассматривая причудливые лепестки цветов. Но, снисходительно вздохнув, он всё же надел венок обратно и продолжил свой путь. Взгляд искал вывески на домах. В них Джонатан надеялся найти слова, указывающие на наличие какого-нибудь ресторана или кафе. Вывесок на английском языке практически не было. Французский, немецкий, испанский... Присутствовала даже вывеска на арабском языке. Она висела над дверями дома, в окнах которого были витрины с различной посудой, начиная с тарелок и кончая вазами и горшками. Свернув за угол, Джонатан попал в переулок, в конце которого металлическим блеском сияли на солнце большие двери. Табличка, красовавшаяся над ними, изображала рыбу и наполненный стакан с ручкой. Голод заставил Джонатана прекратить поиски и отправиться в это заведение, даже если ему доведётся позавтракать там пивом и вяленой рыбой. Как только дверь открылась, зазвенел маленький колокольчик. Но на этот звук присутствующие не обернулись. Впрочем, и самих присутствующих было не так много. Крепкий мужчина в тельняшке, одной рукой держащий стакан с пенистым напитком, сидел за столиком у окна и задумчиво смотрел перед собой. Другой посетитель расположился в углу зала и что-то увлечённо записывал на листе бумаги. И ещё один человек находился за барной стойкой. Это был низкий пожилой мужчина с пышными вьющимися

усами. Он стоял спиной к Джонатану и протирал тряпкой рамку со старой фотокарточкой, висевшей на стене.

– Вы говорите по-английски? – застенчиво спросил Джонатан, подойдя к барной стойке.

– Да, сэр! – прокричал бармен, повернувшись к новому посетителю.

– Хвала богам! – радостно воскликнул Вудс. – Любезный, я в этом городе недавно, и ваш бар – первое и единственное место, попавшееся на моем пути, которое может утолить мой голод. Что вы можете мне предложить на завтрак?

Старик хмыкнул и почесал затылок.

– Завтракать ко мне, обычно, не приходят. Но могу предложить порцию жареной картошки и хороший чёрный чай.

– Отлично! Я буду жареную картошку и чай, – удовлетворённо констатировал Вудс и сел за барную стойку.

– Одну минуту, сэр.

Бармен не спеша отошёл от стойки и скрылся за углом. Как и было сказано, появился он спустя минуту, с горячей порцией картошки и чашкой чая. Вудс незамедлительно приступил к своему завтраку.

– А откуда вы прибыли, сэр? – спросил бармен, заинтересованно прищурился.

– Из Нью-Йорка, – пробурчал Джонатан с набитым ртом.

– О, Соединённые Штаты, как же! – воскликнул старик грубым хрипящим голосом, – Страна, подарившая миру хорошую музыку и ужасных слушателей.

– В каком это смысле? – удивился мистер Вудс, запивая картошку чаем.

– Да не важно...

– Я слышу у вас британский акцент. Вы сами откуда?

– Из Бристоля, сэр.

– А давно вы здесь?

– О, я уже и не помню точно, как давно, – старик широко улыбнулся и упёрся руками в барную стойку. – Лет тридцать-сорок. Пол жизни здесь прожил. Я был матросом на грузовом судне. Шёл тогда из Валенсии в Буэнос-Айрес. И вот где-то между этими двумя портами нам и повстречались собиратели, весло мне под киль...

– Вас удерживали здесь насильно? – настороженно спросил Джонатан.

– Да вы что, оглянитесь! – разразился эмоциями бармен. – Как здесь можно кого-то удерживать, тем более насильно? Это что, тюрьма? Люди остаются здесь сами, и не было ещё никого, кто предпочёл бы вернуться назад.

– Прямо таки никого?

– Да чтоб мне провалиться!

– А что людей здесь держит? Почему все остаются?

– Позвольте спросить, сэр, – сбавил тон старик, – как давно вы прибыли в Сады Королевы?

– Вчера. А в чём дело?

– Вероятно, вы успели разглядеть только внешний вид острова, не больше. Но согласитесь, и он весьма неплох, а? – старик улыбнулся и смахнул тряпкой крошки с барной стойки. – Познакомьтесь с островом поближе, и он ответит вам сам на все ваши вопросы.

Джонатан отодвинул пустую тарелку и допил свой чай, а затем вытащил из кармана мятые банкноты.

– Благодарю за завтрак. Сколько с меня?

– Простите, сколько с вас чего? – удивился бармен.

– Что значит «чего»? Сколько я должен заплатить за свой завтрак?

– Ах, это, – старик укоризненно помотал головой и опустил взгляд на доллары в руках Вудса. – Оставьте свои деньги себе. А лучше бросьте их в огонь. И никому больше их не предлагайте.

Непреодолимая тяга к самостоятельности была во Франческа Вудс с самого детства. Даже оставшись без родителей в раннем возрасте, она не давала своему старшему брату всецело опекать себя. А очутившись за тысячи километров от дома, в совершенно незнакомых местах, она сочла за необходимость осваиваться самостоятельно. Это была её профессиональная способность. Журналистика – её призвание. Тяга к неизвестному, стремление к поиску ответов и полная открытость для целого мира – все эти качества служили ей хорошим подспорьем в её работе. И в данный момент, находясь в Садах Королевы, прекрасном острове посреди океана, сокрытом от внешнего мира, Франческа была готова погрузиться в «работу» и исследовать этот необыкновенный город.

Она проснулась раньше всех, с первыми лучами солнца. Стрелки старинных часов на стене показывали шесть утра. Дома мисс Вудс очень редко просыпалась в такое раннее время, а если и приходилось, то поднималась она с постели с большой неохотой. Но не в этот раз. Выспавшись, Франческа тихонько вышла из своей комнаты и, прихватив с собой яблоко из тарелки на столе, покинула гостиный дом. Куда идти, не было никакого представления, поэтому она просто направилась вперёд, ступая хрупкими босоножками по мощёной дороге. Вела дорога неуклонно прямо, периодически спускаясь в низину. Единичные ступеньки были через каждые пять-семь метров. Вскоре стало понятно, куда именно ведёт этот плавный спуск. Свернув на соседнюю улицу, Франческа попала на импровизированный балкон, который был размером с целый двор. А с него раскинулся вид на шумный порт, наполненный жизнью. Невозможные просторы открывались с этого балкона, усаженного душистыми растениями. В воздухе помимо запаха цветов появился солёный привкус. Это был океанский бриз, разносимый из залива свежим утренним ветром по просторным улицам города. В порту стояли на приколе несколько небольших катеров, лодок и то самое грузовое судно, на котором Франческа с братом попали на этот остров. Улыбка мгновенно озарила светлое девичье лицо, и она тут же направилась вниз по ступеням, ведущим к причалу. Слух стал улавливать где-то вдалеке мелодию гитары. На улицах пока что было не слишком многолюдно, поэтому найти музыканта вряд ли представлялось сложной задачей.

Миновав все ступени, Франческа, наконец, добралась до пристани, где стояла пиратская шхуна. И мелодия стала доноситься откуда-то совсем рядом. Обернувшись по сторонам, девушка всё-таки нашла музыканта. Он сидел за столиком под плетёной крышей небольшого трактира. Неизвестный гитарист был облачен в белую рубашку и такие же белоснежные шорты, а полы небольшой шляпы скрывали его лицо.

Мелодия была чудесна. Ненавязчивая, с романтическими тонами фламенко, спокойная, и, одновременно с этим, такая бодрящая, что иной раз и вовсе захватывало дыхание от виртуозности аккордов. Люди с хорошим чувством ритма наверняка поняли бы всю прелесть этих ощущений: когда играет произвольная мелодия, но на подсознательном уровне чувствуешь, какую струну музыкант заденет в следующий момент и какой аккорд раздастся. Франческа упивалась игрой мужчины и медленно приближалась к нему со спины. Намереваясь подсесть к нему за столик и просто послушать, она осторожно обошла одинокого музыканта. Но взглядев из-под полы шляпы лицо, была крайне удивлена. Приятно удивлена. Музыкантом оказался Толга. Он встретил удивлённый взгляд Франчески ленивой улыбкой и с напором ударил по струнам, предавая мелодии более жаркий оттенок. Мисс Вудс присела рядом и положила голову на руки. Она с интересом наблюдала за пальцами Толги, которые блуждали по струнам блестящей гитары, отсвечивающей редкими бликами на солнце. Пока его музыка наполняла улицу, никто не проронил ни слова. Так продолжалось минут пять, пока в один момент музыка

резко не прервалась от того, что Толга прижал струны ладонью. Он взял со стола свой стакан и выпил из него всё содержимое до дна. Затем отложил свой инструмент на соседний стул, взял из рук Франчески яблоко и принялся аккуратно срезать с него кожуру небольшим ножом.

– Мне казалось, вы с братом не разлей вода, – произнёс Толга, не поднимая глаз. – Всюду вместе. А тут вдруг одна.

– Он большой мальчик, сможет о себе позаботиться без меня, – парировала Франческа, наблюдая за тем, как нож методично очищает яблоко.

– А о тебе кто позаботится?

Франческа оставила вопрос без ответа, лишь забрала из рук пирата своё яблоко, очищенное и сочное.

– Интересный остров, – заметила она. – Елисея сказала, что ты родом из России. А как ты попал сюда?

– Так же, как все – по воде.

– Может быть, есть какая-то история?

– Всё достаточно прозаично, чтобы делать из этого какую-то историю.

– Ну как знаешь, – Франческа откусила небольшой кусок яблока, не сводя взгляда со своего собеседника. – А что особенного в этом острове? Почему он скрыт от остального мира?

– Круто берёшь, подруга, не всё сразу, – растёкся в улыбке Толга, встал со стула и потянулся на солнце. – Вам с братом в любом случае предстоит всё это узнать, так пусть это знание поступит к вам путём исследования. Разве будет интересно, если всё сразу вам выложу я?

Очаровательно улыбнувшись, он направился в сторону причала, но Франческа тут же подскочила и нагнала его, едва поспевая за широкими шагами.

– Допустим, город я посмотрела. Какие ещё достопримечательности есть у острова?

– Хочешь экскурсию?

– Хочу.

Толга взглянул на наручные часы и одобрительно приподнял брови.

– Хорошо. Есть одно место. Идём.

Подойдя к пристани, он спустился в небольшой катер. Франческа последовала за ним, и в этот раз она проигнорировала поданную руку. Толга отнёсся к этому как к чему-то само собой разумеющемуся и завёл мотор. Катер медленно пошёл вдоль береговой линии и вышел за пределы бухты. Открывшийся перед Франческой простор безграничного океана вновь взволновал и без того трепещущее женское сердце. Но отдаляться от берега Толга не стал. Конечная точка прибытия была лишь в паре километров от бухты, всё на том же острове. Спустя десять минут Толга причалил к берегу. Это был тихий и безлюдный пляж, который прятался в тени огромной скалы. Оставив катер у старого деревянного пирса, Толга сошёл на берег и направился в заросли. Франческа неуклонно следовала за ним. Ожидая увидеть в этих зарослях тропические растения, которые обычно водятся в джунглях, она была в очередной раз удивлена. Вместо дикого папоротника и пальм перед её взором предстал настоящий лес. Толстые стволы лиственных деревьев, не свойственных той части света, в которой находился остров, возносили над землёй могучие кроны. Плотная листва перемешивалась с ветками деревьев по соседству, чем препятствовала проникновению солнечного света до земли. Частично конечно. Здесь было так же светло, как и в дневное время суток. Медленно шагая вперёд за Толгой, Франческа прищурилась от лучей солнца, которые играли бликами сквозь влажную зелёную листву. Почва здесь представляла собой уже не песок, хоть пляж и был совсем рядом. Но эта и многие другие странности, которые не остались бы незамеченными научным взглядом, не удостоились внимания Франчески.

– Ты привёл меня посмотреть на лес? – неуверенно спросила мисс Вудс, пытаясь найти вокруг себя то, что, возможно, и подразумевалось под «достопримечательностью». – Это какой-то особенный лес?

– Ну, в целом да, – пожал плечами Толга.

– И что же в нём необычного?

– Каждое из этих деревьев – это когда-то живший в Садах Королевы человек.

– В каком это смысле? – в голосе мисс Вудс раздалась нотка напряжения.

– Да, собственно, в прямом, – вздохнул Толга, медленно бродя между деревьями. – Когда на острове умирает человек, его не закапывают в землю и не ставят у его изголовья кусок камня. Здесь покойных сжигают. А прах идёт в землю вместе с семенами. Через некоторое время появляются ростки, которые потом и становятся деревьями.

Приветственно похлопав ладонью по стволу могучей осины, Толга прошёл дальше.

– То есть, мы сейчас находимся на кладбище? – растерянно спросила Франческа, убрав руку от дерева.

– Да. Метафорически. Называй как хочешь. Мне привычнее называть это лесом.

Узнав о деталях, мисс Вудс уже по-другому смотрела на окружающий её пейзаж. Если сначала она видела в этом лесу не больше чем живописный уголок острова, то теперь это место наполнилось некоторой мистикой.

– Так хоронят всех? – уточнила девушка. – Это не противоречит ни чьей религии?

Толга остановился и повернулся к своей спутнице.

– Ты веришь в бога, Франческа?

– Конечно! – ответила она с такой интонацией, будто странно спрашивать о подобных вещах, будто вера в бога это неотъемлемая часть человеческой жизни. Такая же неотъемлемая, как, например, дыхание.

– Так вот, твой бог, насколько я помню, велел предавать усопших земле. Эти усопшие и преданы земле, разве нет?

– Но...

– В городе, – продолжил Толга, – ты заметила хоть одну церковь, храм, мечеть?

После непродолжительного раздумья девушка неуверенно ответила:

– Не заметила. А их нет?

– А их нет.

– Что же, это остров атеистов?

– Насколько я знаю, верующих в Садах Королевы предостаточно.

– И как же они без церквей? – голос Франчески становился всё более растерянным.

– Так же, как ребёнок без фантика от конфеты.

Мисс Вудс не поняла аналогии, и лишь спустя минуту попросила разъяснения:

– Что ты имеешь в виду?

Толга разочарованно вздохнул.

– Здесь есть люди, которые верят в то, что этот мир был создан какой-то высшей силой. Они не знают этого наверняка, но они верят. Или привыкли думать, что это так, не важно. Эта вера не обязывает их восхвалять так называемого всевышнего. Церковь как-то поможет тебе на твоём жизненном пути? Или, может, человек, наряженный в специальную рясу, скажет, как тебе лучше жить? Потому что его слова это «мудрость, ниспосланная Господом»? Знаем мы таких. Были однажды кое-где такие «понтифики».

Голос его звучал мягко, и хоть некоторые слова Франческа, как верующей, могли показаться грубыми, тон Толги успешно сглаживал их отталкивающий посыл.

– Я не знаю, возможно, с тех пор, как я последний раз был в твоём мире, люди стали по-другому мыслить, но вера есть вера, она вот здесь, – Толга указал пальцем на голову Франчески, – а не в церкви. От этой веры не ждут билета в рай или божественной благодати за прижизненные убожения ритуальных аксессуаров.

– Это только твоё мнение, – хмыкнула в ответ Франческа. – А что на счёт остальных?

– В этом лесу на данный момент растёт более пятидесяти тысяч деревьев, старых и молодых. Люди хоронят своих близких именно таким образом. Или, по-твоему, это я трупы превращаю в растения? И вообще, что тебе не нравится? Это своеобразное продолжение жизни. Близким усопшего человека куда легче приходиться к родному дереву и видеть, как оно живёт, нежели стоять у серого камня и смотреть на выгравированные даты рождения и смерти.

Последние слова Толги положили начало длительному молчанию. Двое путников блуждали между деревьями и безмолвно смотрели себе под ноги. Это не было похоже на неловкое молчание. Каждого просто одолели свои мысли, появление которых спровоцировала прошедшая беседа. Солнце с большим энтузиазмом пробивалось своими лучами к земле сквозь плотную завесу листвы. А на небольшом пятчке земли, где не росли деревья, стояла одинокая лавочка под открытым небом. Она и стала местом для привала в этом походе.

– А во что веришь ты? – спросила в полголоса Франческа. – Что по-твоему Там? Куда, по-твоему, душа попадёт после смерти тела?

Толга сдержанно улыбнулся.

– До того, как попасть на этот остров, я думал, что после смерти попаду на белоснежные пляжи, на побережье океана. И буду вечно греться в лучах солнца. Но вот я уже здесь, – развёл он руками, – и занимаюсь этим, но пока что вроде бы я жив. Так что я уже не знаю, что предполагать. По крайней мере, картина, которую рисует Библия, меня не устраивает. Ведь каждому воздаётся по вере его, не так ли?

Молодой пират улыбнулся, закончив свою мысль, но выражение его лица говорило о том, что только что сказанное им – сарказм и неприкрытое желание уйти от ответа. Франческа, вероятно, увидела эту неискренность, но возражать не стала. Обернувшись по сторонам, она увидела ещё несколько человек, бродящих между деревьями прогулочным шагом.

– Ты ведь не женат, правда? – кокетливо улыбнулась Франческа.

Вопрос странным образом заставил Толгу встрепетнуться. Он удручённо поджал губы и встал с лавки, расхаживая по окраине опушки.

– С чего ты взяла?

– Вряд ли будет пользоваться успехом у женщин мужчина, который водит их на кладбище. Хотя признаю, это самое привлекательное кладбище из всех, что я видела.

Толга проследил за выражением лица Франчески, которое сопровождало эту издёвку. Снисходительно улыбнувшись, он лишь опустил взгляд.

– Я, конечно, не женат, но не потому, что такой плохой дамский угодник.

– Интересно, что это за другая причина?

– В Садах Королевы нет такого понятия, как «женат» или «замужем».

Франческа опешила от подобного заявления и непонимающе уставилась на Толгу.

– То есть, как это нет?

– А никак нет. Это у вас там штампы, печати, росписи, разводы, клятвы в верности, лицемерие и прочая бюрократия. Здесь, как я уже говорил, другой мир.

– То, что здесь не любят бюрократию, я поняла ещё по пути сюда. Но тут люди хотя бы... любят? Встречаются?

После этого вопроса Толга рассмеялся над наивностью девушки.

– Ты уж настолько-то из людей дикарей не делай! Конечно, любят, встречаются. Я тебе больше скажу – живут вместе долгую счастливую жизнь и рожают много новых красивых людей. Или ты думала, что всех местных детей на остров приносит аист? Или, может быть, я?

Заметив откровенное издевательство над своим неведением, Франческа слегка покраснела и опустила глаза. Лишь дождавшись, когда Толга успокоил свой смех, она вновь взглянула на него.

– Раз жениться здесь не принято, перефразирую: у тебя есть любимая женщина?

Смех Толги исчез, как и его улыбка. Лицо не выражало никаких эмоций. Он обратил свой взгляд к тому тонкому и изящному стволу дерева, который обнимал, пока стоял напротив Франчески. Ветви едва касались его плеч, будто обнимая в ответ. А маленькие распустившиеся бутоны насыщенного синего цвета украшали эти лёгкие ветви, изредка проглядывая сквозь зелёную листву. Толга повернулся обратно к Франческе и произнёс холодным голосом:

– Нет, у меня нет любимой женщины.

Мисс Вудс отвела взгляд

– Прости, – робко произнесла она.

– За что ты извиняешься?

Уже, было, собравшись объяснять, девушка вдруг поняла, что не знает причины своего извинения. Или просто не хотела озвучивать её. Осознав, что ответа от Франчески не дожидаться, Толга взглянул на наручные часы и воскликнул:

– Ух ты, как с тобой быстро летит время! Мне пора.

– Как? Ты уходишь? – встрепелась девушка.

– Ну да. У меня есть кое-какие дела. Я здесь не только валяюсь на пляжах.

– А я? Ты оставишь меня тут? – откровенно испугалась мисс Вудс.

– Тут есть дорога, – Толга указал на тропинку позади неё, постепенно переходящую в полноценный тракт. – Она ведёт в город, прямо в порт. Не заблудишься.

Франческа не стала говорить ничего на прощание. Лишь проводила его озадаченным взглядом и осталась сидеть на лавке наедине со своими мыслями. Ни что не выводило её из состояния оцепенения, даже бродящие вокруг люди, коих через некоторое время после ухода Толги стало в разы больше в этом лесу. Они не обращали на одинокую Франческу никакого внимания. Улыбки отсутствовали по вполне понятной причине. Но и траура их лица не выражали. Смирное спокойствие – наиболее верное определение той атмосфере, какую создавали своим присутствием все эти люди.

Мисс Вудс размышляла о тех парадоксальных фактах, о которых узнала в тот день. И чем больше она узнавала подробностей, тем больше понимала, что достопримечательностью на этом острове является чуть ли не каждая вещь. Если с традицией погребения ей было всё понятно, то с отсутствием понятия брака в Садах Королевы сознание смириться не могло. Она машинально стала проецировать этот уклад на себя, смогла бы прожить так всю жизнь, не являясь чьей-то женой?

В том мире, откуда родом Франческа, брак это то, к чему готовят молодых девушек с самого детства. И подходы к этой подготовке могут быть самыми разными. Одни учат тому, как должна вести себя женщина, чтобы оставаться желанной для мужа. Ведь брак это «союз навеки перед Господом». Другие же отталкиваются от другой парадигмы – как удачно выйти замуж за финансово обеспеченного или же просто перспективного и многообещающего человека. Но только сейчас, в процессе глубоких размышлений на эту тему, Франческа поняла самую суть полной анархии в брачном вопросе. Подобно отсутствию идиологов в религиях, устанавливающих правила, отсутствие мнимого статуса супруга предоставляло безграничную свободу действия. Отсутствие навязываемых обязательств, накладываемых на двух влюблённых людей, делали их взаимоотношения чище, искреннее. Нельзя сказать, конечно, что в мире Франчески не было примеров такой чистой и искренней любви, но, тем не менее, рано или поздно брак, как бюрократический факт, стал бы той самой червоточиной, которая мешала бы разрешить все неурядицы полюбовно, а не с позиции задокументированной «официальности». И, к своему удивлению, мисс Вудс поймала себя на мысли, что симпатизирует тому порядку, который демонстрируют ей Сады.

Общество, как параллельный мир, в котором находилась в данный момент Франческа, заинтриговало её. Оно её интересовало и, одновременно, пугало. Это то чувство волнения,

когда делаешь шаг навстречу неизвестности. Хотя с каждым проведённым здесь часом, она сомневалась всё больше, какой именно из миров для неё является более чуждым.

Взгляд её упал на руки. До того сильно увлечьшись размышлениями, девушка совсем забыла, что держит в руках яблоко. Очищенная от кожуры мякоть уже покрылась мутно-бордовым оттенком. Франческа покинула лавку, оставив своё яблоко там, где сидела. Постепенно удаляясь от опушки, она вскоре вышла на тракт и не спеша побрела в сторону города.

Так прошёл день. Под вечер в гостинном доме проходили умиротворённые женские посиделки у камина. Беседы под виноградное вино, непринуждённые улыбки и рассказы о том, чем живут люди. Елисея уже была более откровенна в своих рассказах после известия о том, что Франческа встречалась с Толгой. Джонатана до сих пор не было. Наступил десятый час вечера и Франческа рассказала о своём волнении за брата, но была тут же успокоена тем, что в этом городе, в какой бы его части мистер Вудс не находился, опасность ему не угрожает. Разве что он заблудится. Но и это опасение не оправдалось, потому что через четверть часа появился и сам Джонатан. Появился он весьма необычно, не так, как от него ожидала Франческа. Его явление женщины заметили ещё когда он пару минут топтался возле дверей гостинного дома, весело прощаясь с компанией из трёх девушек в цветастых платьях. То, что Джонатан был не трезв, стало понятно, когда он, таки, вошёл внутрь, чуть не сорвав дверь с петель.

Внешность самого Джонатана тоже претерпела изменения. Помимо синего венка, украшающего его голову, на нём была надета совершенно другая рубашка, не та единственная, которая у него была, а старинная, широкая и просторная, подобная тем, которые носили мушкетёры в семнадцатом веке. Кроме того его пояс был обмотан широким шёлковым полотном красного цвета, завязанным сбоку.

– Дамы!

Так начал мистер Вудс, сделав перед женщинами реверанс. Затем направился напрямик в кресло рядом со своей сестрой. Наклонившись к ней, он обдал её перегаром и достал из кармана смятый доллар.

– Фран, представь себе, – сказал Джонатан далее, едва ворочая языком. – Они не пользуются деньгами! Ни долларами, ни евро, ни фунтами. Это мусор!

Скомкав серую банкноту, Вудс бросил её в камин и откинулся к спинке кресла.

Франческа сняла с головы Джонатана венок и спросила:

– Где ты был?

– У сеньора Кордеро этой ночью родилась дочка, и он пригласил всю улицу на празднование этого дня рождения. И представляешь, я проходил по улице как раз в тот момент, когда раздавались приглашения! – Вудс взял из рук сестры венок и повертел его в руках. – Вот так вот взяли и пригласили.

– А как назвали дочку? – поинтересовалась Елисея.

– Франческа, – коротко отрезал мистер Вудс. – Сеньор Кордеро узнал, что мы с Фран прибыли в город прямо перед рождением его дочери и сказал, что наше появление в этом мире ознаменовало появление на свет нового человека. И он хотел назвать свою дочь в честь девушки, которая, цитирую, «пришла в этот замечательный мир вместе с его дочуркой». Он сказал, что если бы родился сын, назвал бы его в честь меня.

Особенности национальной экономики

Произнесённое вскользь прошлым днём упоминание об ещё одной особенности Садов Королевы всё-таки не осталось без внимания. Деньги. Если вчера в праздничном настроении на хмельную голову мистер Вудс непринуждённо принял эту информацию, то на утро следующего дня, когда сознание прояснилось, он отнёсся к этой теме очень серьёзно.

Утром Джонатан с Франческой помогли сеньоре Елисею на её виноградной плантации, расположенной в нескольких километрах от города в глубине острова.

– Это же чистой воды коммунизм! – возмутился мистер Вудс в пренебрежительном тоне, медленно шагая между рядами кустов. – Как вообще можно жить вне экономической системы? Без экономической системы!

– Ты так говоришь, будто коммунизм это что-то ужасное, – с ироничной улыбкой заметила Елисея. – Но у нас здесь отнюдь не коммунизм, друг мой.

– А что у вас здесь в таком случае? Объясните, будьте добры.

Это был не первый раз, когда от Елисеи требовали подобных объяснений. Будучи хозяйкой гостиного дома, куда периодически приводили пришельцев из другого мира, ей приходилось повторять одно и то же в ознакомительных целях неисчислимо количество раз. А коммунизм, о котором вспоминали буквально все гости острова, уже набил оскомину.

– Никто здесь не лишит тебя твоей собственности, – утомлённо вздохнула Елисея. – Владей, сколько хочешь. Это второе, что отличает нас от так нелюбимых тобой коммунистов.

– Второе? – смутился Джонатан.

– Первое, оно же самое главное, это то, что в городе нет государственности.

Джонатан остановился и повернулся к женщине. В глазах его застыл немой вопрос, который он всё же озвучил:

– Как это вообще понимать?

Елисея вздохнула и поставила на землю свою корзину, до краёв наполненную виноградными гроздьями.

– Нет государственности, значит, нет органов власти. Нет органов власти, значит все материальные и интеллектуальные блага не принадлежат какой-то одной структуре, которая распределяла бы их каждому по потребностям. Здесь нет ни президентов, ни королей, ни парламента. Ни вождей, ни верховных советов, ни лидеров. Здесь нет никого, кто имел бы над кем-либо власть.

– Но, – озадаченно нахмурился Джонатан, – это же означает абсолютный хаос, разве нет?

– Верно, хаос. А с чего ты взял, что хаос это что-то плохое? Хаос есть наивысшая форма порядка. Посмотри на город: ему уже половина тысячелетия и живёт он в этом хаосе всё время, со дня основания.

– Но... Как?

Мистер Вудс выражал неподдельное недоумение. Он искренне не понимал того, что ему вполне доходчиво объясняла Елисея. Но вряд ли это непонимание можно было ставить ему в вину.

– Взгляни на ягоду, которую ты держишь в руках. Она выросла на плантации, которую я построила вместе со своим другом. В строительстве нам помогали горожане. Соседи. Эта ягода станет вином, которое будут пить наши соседи, друзья, и все остальные, кто пожелает угоститься.

– Секунду, – воскликнул Вудс. – Вы хотите сказать, что вино, сделанное вашим трудом, сможет взять любой человек совершенно бесплатно?

– Именно так.

– Но в чём смысл? Вы тратите своё время, силы, а что взамен?

Елисея изумлённо вздёрнула брови, взглянув на Джонатана своими большими тёмными глазами. Такого вопроса не поступало ещё ни от кого, кто проходил через аналогичный «ознакомительный курс». Не то, чтобы он был нелогичным в данной ситуации, просто за время жизни на острове Елисея отвыкла от того, что действия человека могут иметь корыстный подтекст.

– Кто-то делает прекрасную посуду. Кто-то готовит мясо, а кто-то пишет картины. И если я захочу отведать сочной баранины из фарфоровой тарелки, любуясь прекрасным пейзажем, написанным талантливым мастером, я просто посету соответствующих людей, и они дадут мне всё это. Как ты сказал – совершенно бесплатно.

– Немыслимо...

Джонатан растерянно опустил взгляд.

– Великолепно! – уверенно вставила своё слово Франческа.

– Нет, я представляю себе всё это, – обернулся на сестру мистер Вудс и стал активно жестикулировать, – но только в виде некой абстракции. Я не могу вообразить, чтобы это могло быть реальностью. Всё это больше похоже на утопию. К которой, кстати, стремились коммунисты!

– Что ты пристал к коммунистам? – возмутилась Елисея, придавая улыбкой своему возмущению насмешливый тон, – Наш остров вне политики, вне экономики. Сады Королевы это люди, которые здесь живут. Если город это сердце острова, то люди – его кровь, которая питает это сердце жизнью. Ты понимаешь?

– Я понимаю, – неуверенно ответил Джонатан. – Но... это всё так необычно!

– Ничего. К этому приятно привыкать.

– Привыкать? – недовольно сморщился Вудс. – А зачем мне к этому привыкать? Я не собираюсь здесь оставаться.

После произнесённой фразы Джонатан поймал на себе укоризненный взгляд своей сестры.

– Ты просто не можешь поверить, что есть на свете место, где твои деньги никого не интересуют, – в довольно агрессивной манере заметила Франческа. – Ты меня извини, конечно, но труд всей твоей жизни здесь не стоит ничего.

– А чем мистер Вудс занимался всю жизнь? – спросила Елисея у Франчески, не сводя взгляда с её брата.

– Джон – биржевой спекулянт. Очень крупный спекулянт. Он покупает и продаёт то, что никогда не видел собственными глазами. Его товар – абстракция, которой дали название. Он делает деньги буквально из воздуха. Деньги ради денег, да, Джон?

Ответила Франческа Елисее, но смотрела при этом в глаза своему брату. И если в сказанных словах не было ничего осуждающего, то этот взгляд в полной мере выражал нетерпимость. К тому же то, что сие объяснение оказалось цитатой, произвело на Вудса дополнительный обезоруживающий эффект. После этих слов Джонатан отвернулся и ушёл прочь. Неловкое молчание наступило на плантации.

– Это было резко, – произнесла Елисея вполголоса и продолжила свою работу, взяв новую корзину, ещё не наполненную виноградом.

– Это долгая история, – отмахнулась Франческа, продолжая с невозмутимым видом собирать ягоды.

Этим высказыванием она подразумевала объяснение агрессивности в отношении к брату. Её уверенность в оправданности своей резкости была непоколебимой, отчасти благодаря всем этим открытиям, которые свалились на семью Вудс за последние двое суток. Эти открытия, как части мозаики, складывались в одну гармоничную картину, которая пришлась, очевидно, по нраву молодой Франческе. И, по её мнению, весьма справедливому, объяснить Джонатану все его ошибки не сможет никто лучше самого близкого человека – его сестры.

– Сегодня вечером на восточном пляже будут танцы. Думаю, тебе с братом было бы интересно, – произнесла Елисея после нескольких минут молчания.

– Я там буду, – коротко ответила Франческа.

– А твой брат?

– Не помню, чтобы он хоть раз в своей жизни бывал на подобных мероприятиях.

– Как же он развлекается?

– Для него что работа, что развлечение – всё одно, – вспыхнула вдруг мисс Вудс. – Джон обожает сам процесс своих торгов. Этот колоссальный выброс адреналина, радости, злости... у него всё вперемешку! Я не понимаю, от чего именно он получает удовольствие. Однажды он разбил стулом стеклянную стенку в своём офисе просто потому, что акции, в которые он вложился, подешевели сильнее, чем он ожидал. А в другой раз, когда одна сделка принесла ему за раз несколько миллионов долларов, он просто пришёл домой, провёл остаток дня у телевизора, будто ничего особенного не случилось, и лёг спать раньше обычного.

Франческа оставила заполненную виноградом корзину на тропинке и взглянула в небо, разминая спину. А затем, после выдержанной паузы, добавила:

– Джон придёт на танцы. Обязательно.

Обида Джонатана на свою сестру оказалась не так велика, как показалось на первый взгляд Елисею. Франческа нагнала своего брата на просёлочной дороге, ведущей от плантации к самому городу. Джонатан стоял с краю тропы на холме и любовался раскинувшимся перед ним пейзажем. А пейзаж был и в правду чудесен. В низине раскинулись огромные просторы: гладкие зелёные поля, многочисленные сады, усадьбы и лес, пестрящий неестественно яркими красками. А где-то вдалеке, за гладкими холмами, виднелся синий океан. Скалы возвышались перед ним, гармонично дополняя собой великолепный пейзаж этой живописной ривьеры.

– Ты видел когда-нибудь что-то подобное этому? – раздался дрожащий от волнения голос Франчески за спиной мистера Вудса.

Он обернулся на сестру, растерянно пробежался глазами по светлому девичьему лицу, озарённому улыбкой, и смиренно ответил:

– Да, это место похоже на рай.

– Тогда что тебя не устраивает?

Джонатан выдержал паузу, подбирая слова, затем повернулся к сестре и поднял на неё свой понурый взгляд.

– Когда отец с матерью погибли, мы с тобой очень часто мотались по миру, помнишь?

– Конечно.

– Где мы только не успели побывать... Европа, Азия, Австралия, Южная Америка. Везде, где бы мы ни были, я воспринимал мир как один целый организм, с общими порядками, традициями, несмотря на то, что мир раздирали войны, политика, кризисы. Нас с детства учили, что средства к существованию это деньги. На них держится всё мироустройство. По большому счёту, все войны и кризисы происходили из-за денег, но, тем не менее, деньги не перестали быть апофеозом всему насущному. Успехом же называют и огромное количество денег по итогу какого-то предприятия.

Джонатан озадаченно потёр взмокший лоб. Он столько раз за последнюю минуту произнёс слово «деньги», что от этого ему стало не по себе.

– Фран, ты вдумайся! Когда художник напишет картину, успех его творения будет зависеть от того, как картина будет продаваться. Даже творчество смогли втиснуть в эту денежную измерительную систему! – Вудс развёл руками и отвернулся обратно к умиротворённому пейзажу. – И я привык жить в том мире. Гнилом, ненастоящем и лицемерном. Но вот я тут... И я не знаю, что делать. Я, словно, очутился на другой планете, в другой вселенной, в мире, где нет ни капли материализма. Я растерян. И я не знаю, что делать.

Франческа слушала своего брата без эмоций. Она была далеко не глупой девочкой и знала, что у Джонатана на уме. Многие назвали бы это родственной духовной связью, но на самом деле, помимо этой связи, конечно, Джонатан всегда доверял всё сокровенное и самое личное только сестре. Потому что больше у него никого не было. И Франческа всегда его слушала. С неизменным хладнокровием и вниманием.

– Сады Королевы... Остров абсурда, – напоследок пробормотал он в полголоса и сунул в рот ягоду, сорванную с виноградной грозди ещё на плантации.

Всю дорогу по пути в город они болтали обо всём подряд. От плантации до города было не так далеко, но Джонатан решил сделать крюк через тот самый лес-кладбище, пёстрое мерцание которого он заметил вдалеке. И Франческа поведала брату про местные обычаи погребения. Как ни странно, но это пришлось Джонатану по вкусу. Будучи убеждённым атеистом, он отметил чрезвычайную полезность такого погребения, как в плане занимаемой территории, так и в плане экологии, не говоря уже о том, что цветущее дерево выгодно выделяется на фоне холодного надгробия.

Франческа рассказала Джонатану и про вечерние танцы, на которые она хотела бы идти в его сопровождении. Долго уговаривать брата ей не пришлось, он согласился сразу. Равнодушно, без энтузиазма, пожав плечами, но согласился.

Вскоре наступил и вечер. Подбирая подходящий наряд из любезно предоставленного гардероба Елисеи, Франческа узнала от неё как найти восточный пляж. Помимо простой схемы пути, женщина добавила, что музыка вряд ли позволит пройти мимо. В ответ на вопрос, пойдёт ли она сама, Елисея отмахнулась и сослалась на незаконченные дела. Облачив Франческу в одно из своих платьев, которое смотрелось на фигуре молодой девушки довольно ярко, она попрощалась со своими постояльцами и скрылась за дверями своей комнаты.

Город в это время суток источал уют буквально каждым своим строением. Будто все написанные пейзажи городской архитектуры сошли с холстов и материализовались в одном месте. Но насладиться прогулкой по вечернему городу Франческа брату не дала. Держа его за руку, она быстро стучала босоножками по мостовой, приближаясь к своему вожделенному пляжу. Музыка действительно доносилась откуда-то из-за домов, и по мере приближения она становилась только громче. В ритмичных басах и быстром темпе звучащей из уст мужчины песне, Джонатан распознал мотивы реггетона, очень живого и задорного. Вскоре новые гости прибыли к пляжу, где уже была масса людей. Одни находились возле импровизированной барной стойки под крышей небольшой веранды, другие сидели у самого океана, грея ноги в тёплых волнах прилива. Но большинство собралось около небольшой сцены, на которой стояла аппаратура, издающая зажигательную мелодию. За аппаратурой стоял темнокожий парень, исполняющий роль диск-жокея.

Люди образовали собой просторный круг, внутри которого пара исполняла танец. Дуэт постоянно менялся. Вернее, менялся не дуэт, а люди, составляющие его. Один человек покидал круг и выбирал из толпы любого, кто составит компанию его бывшему партнёру по танцу. Музыка не прекращалась, песня плавно и гармонично сменялась ди-джем, бесконечный танец продолжался. И здесь было на что посмотреть. Каждый танцующий человек отличался грацией и виртуозностью.

Смуглая девушка с длинными, прямыми и чёрными, как смоль, волосами, изящным жестом выпустила руку своего партнёра по танцу. Тот влетел в толпу и вытолкнул за место себя в объятия девушки нового танцора. Его белая рубашка была распахнута настежь, представляя вид мокрого торса, а белоснежные шорты в движении буквально слепили в солнечном свете. Подмечая все эти детали, Франческе показалось, что чего-то не хватает. И она догадалась, чего именно – белой шляпы с чёрным ободком. Это был Толга. Мисс Вудс тут же оживилась, разглядев лицо знакомого мужчины. Она стала протискиваться поближе к центру, чтобы наблюдать этот танец и ничего не пропустить.

А посмотреть тут, действительно, было на что. Песок был буквально раскалён под босыми ногами танцующей пары. Держа друг друга за руки, они кружились в ритмичном танце, занимая всё предоставленное им пространство. Влажные волосы девушки от поворотов её головы разлетались слипшимися прядями в стороны и ниспадали на плечи. Толга уверенно притянул девушку к себе за талию и прильнул губами к её уху, после чего она улыбнулась, резко обернулась и хлестанула своего белоснежного партнёра длинными волосами по лицу.

Франческа была так заворожена этим зрелищем, что не заметила, как брюнетка, резвящаяся на песке вместе с Толгой, нырнула в общий круг и подтолкнула её вперёд. Растерявшись, мисс Вудс не сразу поняла, в чём дело, и замерла в центре круга. Но музыка благоволила ей, постепенно сменяясь на более умеренную, что сгладило неловкую ситуацию. Придя в себя, Франческа всё-таки подошла в Толге, который смотрел, будто, сквозь неё. Она взяла его за руки и, поймав ритм, пустилась в пляс. Абсолютная импровизация, полная открытость и откровенность – самые подходящие определения, которыми можно описать танец этих двух молодых людей. Толга полностью взял инициативу в свои руки, заключив талию своей новой девушки в крепкие объятия. Кружась с Франческой в виртуозной произвольной программе, он так ни разу и не взглянул ей в глаза. Если танец это молчаливое и красноречивое высказывание, то Толга явно делал комплименты своей партнёрше. Совершая провоцирующие и откровенные движения и, в то же время, не позволяя рукам лишнего, он заставлял мисс Вудс ежесекундно то напрягаться, то расслабляться, от чего девушка весь танец провела в тонусе. И, как не заметив своё внезапное вступление, так она не заметила и то, как Толга её покинул. Напоследок проведя пальцами по её темным волосам, он выскользнул из объятий, ворвался в толпу и, хлопнув Джонатана по плечу, толкнул его в круг к сестре.

Встретив Джонатана перед собой, Франческа залилась весёлым смехом и закружилась в лёгком танце со своим братом. На этот раз вела уже она. Джонатан всем своим видом выражал обеспокоенность такой большой зрительской аудиторией, но, тем не менее, танцевал. И старался танцевать так, чтобы не ударить в грязь лицом. Удалось у него это, конечно, с трудом, но всё-таки Джонатан держался молодцом. Через пару минут довольно весёлой произвольной программы, Франческа отпустила руки брата. Она выбрала в толпе первую же девушку и сменила ею себя, а сама, выйдя за пределы скопления танцующих людей, встала лицом к океану и глубоко вздохнула. Капелька пота стекала с её мокрого лба по виску. Взгляд блуждал по пляжу в поисках Толги. Но его нигде не было. Сняв босоножки, Франческа медленно зашагала в сторону веранды, где стояла барная стойка. Жажда была вполне естественной после такого танца.

Она простояла перед стойкой с бутылками пару минут прежде чем поняла, что никакого бармена, который налил бы ей рюмку, тут нет. Последовав примеру других, Франческа зашла за барную стойку и стала выбирать себе напиток сама. Как ни странно, выбор был велик, и бутылки были явно с внешнего мира, потому что несколько этикеток она узнала. Наконец, сделав свой выбор, она достала с полки шампанское. А, повернувшись обратно к стойке, вздрогнула и замерла от неожиданности. Перед ней стоял Толга. У него было такое выражение лица, будто он вовсе не знаком с Франческой, ибо взгляд его не отрывался от стеллажей с напитками.

– Подай ту бутылочку, пожалуйста, – попросил он, указав пальцем на яркую прозрачную ёмкость с жёлтым содержимым.

Франческа достала стеклянную бутылку с полки и повертела в руках. Этикетки на ней не было.

– Что это? – спросила она. – Похоже на сок.

Взяв из женских рук бутылку, Толга тут же откупорил её и прильнул к горлышку, утоляя свою жажду. Между двумя молодыми людьми воцарилось молчание. Но, похоже, только один из них испытывал неловкость.

– Отличный танец, – с придыханием заметила Франческа.

Толга на эту реплику ответил лишь тем, что поднял на девушку свой взгляд. От него исходил такой холод, что мисс Вудс даже слегка поёжилась. Но свои попытки вывести на диалог она не оставила:

– Твоя первая партнёрша по танцу, та яркая красotka... Она твоя подруга? Вы так слаженно двигались.

Толга задумчиво поджал губы и коротко ответил:

– Нет, я с ней не знаком.

– Серьёзно? А по вашему танцу можно было подумать, что у вас настоящая страсть.

Франческа не сводила глаз с безразличного профиля мужчины, а в её голосе чувствовались нотки сдержанной зависти. Но Толга в ответ лишь улыбнулся и отошёл от барной стойки. Франческа немедленно последовала за ним.

Океан всё шумел своими волнами и был приятным фоном играющей музыке. Солнце уже практически сравнялось с горизонтом. Оно дарило островитянам лёгкий сумрачный свет алого заката, который отражался в прибое. Волны разбивались о белоснежный песчаный берег и оставались лёгкой пеной до тех пор, пока их не смоют новые, такие же раскатистые волны.

– Сочту это за комплимент, потому что я до этого вечера никогда ничего подобного не танцевал, – ответил спустя длительное молчание Толга, хотя Франческа уже не надеялась услышать от своего неразговорчивого собеседника хоть слово.

– Джон тоже не посещал до этого такие места, однако посмотри на него! Раскрыл в себе талант!

Франческа кивнула на своего брата, танцующего уже вне круга с той самой девушкой, которую она же для него и выбрала. Толга бросил на мистера Вудса кроткий незаинтересованный взгляд и тут же отвернулся. Он промолчал, создав очередную неловкую паузу. Они остановились на побережье, где волны доставали до самых колен. Франческа отвернулась туда же, куда смотрел её спутник – на закат.

– Идёт уже третий день, а ты так и не спросил, нравится ли нам здесь.

– Я спрошу на седьмой день, как и договаривались.

– Если мы решим уйти, ты просто вернёшь нас домой?

– Да.

– А если мы расскажем о Садах Королевы людям?

Толга сдержанно усмехнулся.

– Вам всё равно никто не поверит. А даже если и поверят, острова никому не найти. И останутся ваши рассказы простыми сказками.

– Хорошо, – Франческа замолчала на пару мгновений, но потом продолжила. – А если мы решим остаться?

Толга поморщился, не поняв вопроса.

– Ну, значит останетесь.

Франческа подняла на Толгу свой скромный взгляд.

– Где мы будем жить? Гостеприимство Елисеи, конечно, велико, но и злоупотреблять им не стоит.

– Переберётесь в другой дом, в чём проблема?

– В какой дом? Вот так просто возьмём себе целый дом?

– Оформите ипотеку, если не устраивает так, – сыронизировал Толга. – А если захотите, постройте себе хоть дворец. Но давай не забегать вперёд. Осталось прожить ещё четыре дня и мнение ваше сможет поменяться много раз.

– Значит, не всё так сказочно, как кажется на первый взгляд?

Толга недвусмысленно усмехнулся.

– Несколько веков назад на Карибах, на небольшом островке Нью-Провиденс в городе Нассау обосновались морские пираты. Они называли себя Островным Содружеством. Остров решили превратить в независимое государство, начали обустриваться. Появились постоянные жители. Пираты грабили торговые суда и тащили всё награбленное добро в Нассау. Прошло несколько лет, а их небольшое прибежище так и не превратилось из помойной ямы в процветающий город.

Толга замолчал. Он пнул босой ногой набежавшую волну, брызги от которой попали на девушку. Франческа задержала дыхание от ощущения прохладных капель на коже.

– Почему? – спросила она.

– Остаётся только гадать, – пожал плечами Толга. – Разве их замысел был плох? Нет, идея достойна уважения. Но, увидев тщетность своих усилий, эти пираты возложили ответственность за неудачу друг на друга, вышли в море и перестреляли друг друга с бортовых орудий. Так и закончилась история Островного Содружества.

– К чему ты рассказал мне всё это?

– А это ещё не конец. Островного Содружества не стало, но Нассау никуда не делся. После ухода пиратов, остров много раз переходил из рук в руки европейских колонистов. Город рос, развивался, судьба местных жителей была в их же руках и ни от кого не зависела, даже от англичан, которые там ошивались чаще, чем кто-либо. И посмотри на Нассау сегодняшний: красивый порт, маршрутная точка круизных рейсов, туристический рай. Ты думаешь, это пришедшие из Европы «распространители цивилизации» сделали остров цветущим? Нет. Они пришли на всё готовое и просто воткнули свой флаг в песок.

– Я всё равно не понимаю...

– Сады Королевы это не туристический центр. Не нужно относиться к этому месту так, будто вы с братом сможете сюда ещё как-нибудь вернуться, отдохнуть. Если вы решите остаться, поддавшись эйфории беспечности, вы никогда больше не вернётесь в свой мир. Так же, как если решите вернуться домой, Садов Королевы вы больше не увидите.

– Ты сравнил меня и Джона с европейскими колонистами, которые пришли на всё готовое? – Франческа прищурилась то ли от возмущения, то ли от света заходящего солнца, но выражение её лица сделалось недовольным.

– Нет. Но в том случае, если вы решите остаться, не делайте так, чтобы параллель между вами с братом и европейцами, или, что ещё хуже, Островным Содружеством, была уместна. Тут хочешь-не хочешь, а придётся начать жить заново.

Франческа более не задавала вопросов. Она до сих пор не была уверена, что до конца поняла Толгу. Обстановку разрядил мистер Вудс, появившийся у сестры за спиной.

– Я и не думал, что танцы так расслабляют! – заявил он и устало приобнял Франческу за плечи. – А чего все такие унылые?

Мистер Вудс улыбнулся, заглядывая в лица своих спутников. Но вопрос был, вероятно, риторическим, потому что Вудс сразу продолжил:

– Сюда бы сеньора Домингеса вытащить из его Панамы хотя бы на неделю, он бы вам всем показал своей сальсой, как надо танцевать!

Услышав слова Джонатана, Толга с укором взглянул на Франческу. Затем прибавил шагу и ушёл вперёд, оставив Вудсов одних. Франческа, впрочем, как и Толга, понимала, что сказанное Джонатаном, не претендует на серьёзность, но неловкость испытала.

– Чего это он? – удивился мистер Вудс.

– Не обращай внимания...

Дом Истории

Невероятный образ жизни людей, выходящий за рамки понимания так называемого «цивилизованного» человека, являлся обыкновением для коренного жителя Садов Королевы. А те, кто попадал на остров благодаря собирателям, или, как окрестил их Джонатан Вудс – «пиратам», сочли этот образ жизни наиболее верным, лучшим, справедливым. Для человека любого поколения покажется невозможным существование общества без лидера, общества без какой-либо власти, сосредоточенной в одном человеке или группе людей. Такое общество, по обыкновённому мнению, должно погрузиться в неминуемый хаос. Даже воспринимая на слух слово «анархия», человек морщится. Общество нуждается в управляемости – вот та аксиома, которая держится в подсознании человека любого поколения, социального класса и профессии. И как бы неприятно эта аксиома не звучала в своей формулировке, мир привык к такому порядку. Мир не знает, как жить вне устоявшейся системы. Без устоявшейся системы. Мир боится перемен.

Сады Королевы обрели своих первых жителей очень давно. Известно, что первооткрыватель ступил на эти берега в шестнадцатом веке. С тех пор жизнь мало-помалу зарождалась. Строился город, постоянного названия которому так и не дали. Осваивались плодородные территории, изучались чудеса местной природы. Время шло, жизнь текла размеренно и спокойно. Островитяне никогда не знали войн, но они видели оружие. Оружие самых разных времён, начиная от кремневых мушкетов и заканчивая штурмовыми винтовками последнего поколения. Подобные предметы украшали стены домов местных жителей как причудливые раритеты, как диковинные безделушки, которые раздавали им собиратели после своего очередного путешествия.

Сады Королевы никогда не знали войн и жестокости. Люди умирали естественно, от старости тела. Немыслимым было то, что можно кого-то убить, лишить жизни. В понимании островитян не было ничего ценнее жизни. Они видели смерть, когда та приходила несчастным случаем. Это становилось горем для всех. Но даже это считалось естественным ходом жизни, ибо люди верили, что так было предначертано: утонуть, упасть с большой высоты и разбиться, или сгореть при пожаре. Но они не связывали этот момент с религией. Верующими в какого-либо бога в основном были лишь те, кто попадал на остров из внешнего мира. Самые первые поколения католиков не стремились передавать свои учения о боге по наследству, поэтому современные коренные жители любые рассказы о боге воспринимали как обычные легенды и часть фольклора различных народов. Рассказчики же своих взглядов не навязывали.

На острове не было практически ни одной традиции, имевшей место во внешнем мире. Это касается и брака. О браке жителям Садов Королевы было известно больше, чем о богах. Но отношение к нему было несколько иное. Никто не понимал его назначения. Если за океаном брак закреплял друг за другом мужчину и женщину для упрощения бюрократических моментов жизни (прав наследования, упрощённого функционирования в социальной среде и прочего), то в Садах Королевы он был бы не актуальным и бессмысленным по самым очевидным причинам.

Разумеется, брак для молодых людей является в первую очередь неким подтверждением любви. Он создаёт иллюзию, будто именно брак, официально заверенный, задокументированный, или, что ещё лучше, скреплённый венчанием в церкви, сделает связь влюблённых вечной, неразрывной и даже «святой». Обо всех этих предрассудках внешнего мира островитяне были осведомлены, но относились к ним, скорее, с иронией, нежели с пониманием. Ирония была реакцией на многие вещи, о которых рассказывали пришельцы. Ирония искренняя, но не злобная.

В центре огромного города стоит одно старое здание, построенное в античном стиле. Античным оно показалось бы современному человеку, но построено оно было в стиле своего времени. Большие величественные колонны возвышаются на входе и упираются в свод каменной крыши, покрытой той же черепицей бордового оттенка, что и большинство строений города. Это музей. Им он стал в наши дни. Когда сувениров из внешнего мира, доставленных за многие годы усердными собирателями, стало слишком много, жители решили собрать их в одном месте, куда любой мог бы прийти и посмотреть на них. Это чудо архитектуры горожане возводили не один год. И в итоге на сегодняшний день оно представляет собой огромное строение с множеством просторных помещений внутри, в каждом из которых находятся экспонаты на самую разную тематику. Прямо на входе на стенах длинного коридора расположены шедевры живописи. В основном оригиналы, но на особо знаменитые творения были только репродукции. В смежных комнатах выставлены в качестве экспонатов различные предметы роскоши внешнего мира, которые в Садах Королевы вызывают в местных жителях чувство искреннего удивления и непонимания – что именно в этих предметах являло для людей ценность. Но венцом всей коллекции экспонатов являются другие вещи. Единственные вещи, которые на острове могут вызвать в человеке чувство отвращения. В самом конце музея расположен длинный зал, стены которого украшены рамками. Украшением это, конечно, вряд ли можно назвать, но что можно утверждать совершенно точно, так это то, что посетители ценят рамки гораздо больше, чем то, что они скрывают за своим стеклом. Над дверью в этот зал висит табличка, на которой по-русски крупными буквами написано слово «РАБСТВО». Рамки, вывешенные на стенах этого зала, хранят под своими стёклами купюры и монеты самых разных времён и народов. Тут можно встретить и современную купюру в двести евро, и старый рубль Советского Союза. И даже золотые дублоны, которыми были набиты несколько сундуков, пылящихся у стены. Русский язык жители острова изучают наравне с остальными языками, поэтому прочитать и понять смысл слова на входе в этот зал может практически каждый. Почему выбор пал именно на русский язык, остаётся загадкой. Табличка на вид очень старая, и, видимо, узнать причину такого выбора, вряд ли представляется возможным. Но посетителей музея мало заботил выбор языка. Всем была понятна суть написанного. Однако же, несмотря на то, что этот зал блеснул своим убранством и явно отличался от всех остальных помещений, посетителей у него было меньше, чем у любого другого зала в этом музее.

Для жителей Садов Королевы деньги являлись наиболее абсурдной вещью. Несомненно, все понимали их назначение и систему их обращения в обществе. Но отсутствие понимания было в смысле самого существования денег. Изначально, с момента основания поселения на острове люди строили общество без экономической системы. Появлялись фермы, плантации, сады и различные мастерские, которые производили пищу и строительные материалы. Всё это во внешнем мире называлось бы товаром. Здесь же всё произведённое неизменно шло на потребности всех. Абсолютно всех, кто нуждался в чём-то. Строились дома – поселенцы обращались к тем, кто обладает навыками производства необходимых для строительства материалов. Неизменно всё шло на созидание.

Прошло одно поколение, и жители острова приняли свой образ жизни за единственный возможный. Город рос, и вместе с ним росли потребности. Во внешнем мире в то время шёл век колонизаций и освоения американского материка. А вместе с ним расцветало и пиратство. Та каракка, которая впервые пришла к берегам Садов Королевы, отправилась в путь. А вернулась назад с весьма ценным грузом. Грузом являлись книги. Вместе с книгами на остров пришли и новые люди, которые начали добычу полезных ископаемых. И это дало новый толчок дальнейшему развитию города. Новые поколения островитян стали узнавать от своих путешественников то, как живут люди за океаном. И то, что они узнавали, их шокировало: войны, нищета, голод, императоры, управляющие сотнями тысяч людей... Так, поколение за поколением в сознании островитян складывался негативный и отталкивающий образ того жесто-

кого и нелепого мира, от которого их отделял океан. Потому и желания увидеть тот мир не возникало ни у кого. Собиратели, как сложившаяся профессия, появились как раз в тот момент, когда путешественники стали набирать новые команды для рейдов. Членами этой команды в основном были сами выходцы из внешнего мира, которые решили прийти на остров и остаться. Желающих на такую работу было очень мало. Иногда даже шли особенно сознательные жители просто потому, что надо, когда никто больше не проявлял желания. Были и случаи, когда суда собирателей вступали в бой. В то время они ничем не отличались от тех самых пиратов, которые терроризировали торговые пути между Старым и Новым Светом. За исключением одной детали – собиратели никогда не ходили под каким-либо флагом. Время прошло, с пиратством было практически покончено, но суда собирателей продолжали свои одиночные набеги. И за всю историю они так ни разу и не были никем пойманы.

Наступил двадцатый век. Время, когда внешний мир тратил колоссальные средства на военные расходы. Индустриальная машина работала на всех парах. И в то время, когда на протяжении десятилетий все строили танки и самолёты, в Садах Королевы наступил золотой век науки. Собиратели возвращались с богатым литературным багажом. Медицина шагнула так далеко, что те лекарства, которые изобрели учёные на острове, во внешнем мире появились только через десятки лет. В середине века внешний мир отправил первого человека в космос, а учёные Садов Королевы нашли способ изменять полярность гравитации и активно использовали лазер в промышленности. Пока внешний мир раздирали холодная война и гонка вооружений, островитяне изобрели лекарство от рака. В Садах Королевы во второй половине двадцатого века было немыслимым, чтобы люди умирали раньше 80 лет.

Время шло, и в сознании этих людей мир за океаном становился с каждым годом всё отвратительнее. Наступил двадцатый первый век. Время, когда капитализм шагал по планете широкими шагами, и где бы ни прошёл – оставлял после себя след, который все называли кризисом. Этот век с самого его начала на острове прозвали эрой абсурда. Это было время, когда произведённых товаров оказалось больше, чем денег у людей, за которые они могли бы эти товары приобрести. И в том маленьком мире, где отсутствовала та нелепая грань в виде денег, которая мешала созиданию, все недоумевали от того глупого стремления жадных людей к богатству, ради которого они готовы были пожертвовать благополучием окружающих.

На сегодняшний день, когда мир публично заявляет о поиске выхода из сложившихся так называемых кризисов, искреннее непонимание, граничащее с презрением, постепенно сошло на нет, и осталось всего лишь иронией в умах жителей острова. И, по их мнению, все те пороки, которые несут за собой деньги, являются осознанным выбором людей внешнего мира. К такому выводу пришли островитяне, наблюдая десятилетие за десятилетием, как мир страдает и даже не ищет способов прекращения своих страданий. Именно поэтому местные жители солидарны с тем русским словом, которое набито на табличке над дверями зала с денежными знаками.

Четвёртый день. Он стал для семьи Вудс днём просвещения. Величественное здание музея было позади, а прямо перед ними – огромная площадь, сияющая блеском чистого тёмного мрамора. В нём можно было увидеть своё отражение, но взгляд двух молодых людей был устремлён вперёд. Они стояли друг рядом с другом и молчали. И вид у них был весьма растерянный, что привлекало внимание немногочисленных прохожих. Всей этой информации об истории нового мира с момента его рождения и по сегодняшний день, оказалось слишком много для этого полудня. Джонатан первым вышел из транса и поднял взгляд к чистому безоблачному небу, в котором парила ширококрылая птица. Взгляд мужчины машинально обратился на этот грациозный полет.

– Толга сегодня утром отправился в рейд, – как бы невзначай заметила Франческа, которая так же цеплялась взглядом за незначительные детали. – Их судно отошло от причала, пока ты спал.

– Думаешь, нам стоило попросить вернуть нас домой?

Девушка помедлила с ответом. Но ответ её был категоричным, а голос уверенным:

– Я не хочу домой.

– Ты хочешь остаться здесь навсегда?

Такая постановка вопроса уже заставила её замяться. Мисс Вудс повернулась к брату и тут же опустила взгляд. Ответ на этот вопрос от неё так и не прозвучал.

– Ничего, у нас ещё есть время подумать, – произнёс Джонатан и медленно прошёл вперёд.

Весь этот город напоминал ему одновременно о многих местах, где он бывал. Бескрайние поля, в которых уютно расположилась виноградная плантация Елисеи, навевали воспоминания об итальянской Тоскане. Бухта, в которую заходили суда собирателей, напоминала Феодосийский залив, что на юго-востоке Крымского полуострова. Одни районы этого уютного города своей архитектурой были схожи с просторными улицами Парижа, а другие и вовсе демонстрировали строгий немецкий стиль. Эта удивительная площадь была чем-то схожей с той, что раскинулась напротив кафедрального собора в Милане, разве что здесь вместо собора здание было куда величественнее, а площадь намного чище. Множество различных уголков этого города имели свою индивидуальную атмосферу, однако они неизменно дарили необъяснимое чувство уюта. Чем именно оно было обусловлено, Джонатан так и не смог понять, но, будучи ценителем городской архитектуры, его это чувство отнюдь не пугало. Казалось, можно поставить мольберт с холстом в любом месте и написать картину того, что находится прямо перед глазами, и полученное произведение будет живописно и великолепно.

Практически непрерывное звучание музыки на улицах не было монотонным, отвлекающим или надоедающим. В основном это была живая музыка. Довольно часто, прогуливаясь по людным переулкам, можно было услышать звучание гитары. Так же присутствовал и саксофон. Нежные мелодии джаза по вечерам навевали воспоминания о старом добром Нью-Йорке. Причиной того, почему люди горели желанием оставаться в Садах Королевы, наверное, было то, что любой человек смог бы найти здесь частичку своего дома. Город заманивал людей родным для них уютом и одаривал в придачу всем остальным теплом, каким только мог. Однако мистер Вудс, который во внешнем мире редко когда задерживался на одном месте, имел весьма посредственное представление о «доме». От того и весь город целиком, будто весь мир в миниатюре, произвёл на него такое головокружительное впечатление.

Площадь была уже позади, и теперь молодых людей окружали похожие друг на друга аккуратные домики, обвитые плющом. Похожие, но не идентичные. На первый взгляд разница была незаметна, но если присмотреться к форме строений, то можно было различить индивидуальные детали, будь то небольшая пристройка или пустующая стена, где, по идее, должны были быть окна. И на протяжении всей улицы такие дома представляли собой гармоничные ряды, протянувшиеся на сотню метров вперёд. Дальше уже виднелся поворот, а прямо перед ним и гостинный дом Елисеи.

– Я пойду домой, вздремну немного. Устала, – томно произнесла Франческа. Она провела рукой по плечу брата на прощание и, не дожидаясь ответа, лениво направилась в сторону гостинного дома.

Джонатан остановился. Его даже слегка передёрнуло от того, что Франческа так невзначай назвала место их ночлега домом. Абсолютная неоднозначность сестры в вопросе срока пребывания на этом острове сбивала Вудса с толку. Хотя и сам он уже не был уверен на счёт себя в этом вопросе. Неуверенность, поселившаяся в нём за половину недели, была для него обычным волнением. И страхом. Страхом принять, наверное, самое важное решение в своей жизни. Джонатан нахмурился, сунул руки в карманы своих вычищенных брюк и направился в противоположную от Франчески сторону.

Конкретной цели прийти куда-либо у мистера Вудса не было. Однако его безмятежная прогулка через некоторое время завела его в такие места, которые дали ему понять, что ори-

ентирование потеряно. Джонатан заблудился. Вертясь по сторонам и не зная, в какую сторону податься, он стал привлекать к себе внимание прохожих, ибо вертелся он прямо посреди перекрёстка: телодвижения его были, мягко говоря, паническими. Отойдя с дороги, Вудс присел на лавку у стены дома и уставился в пустоту. Перед ним встала настоящая проблема. Это была абсолютно незнакомая часть города, которая предстала перед Вудсом спустя бесчисленное количество поворотов и спусков. За всё время пребывания в доме Елисеи он так и не удосужился поинтересоваться, какой адрес у гостиного дома, чтобы в случае подобного казуса ему помогли найти дорогу хотя бы прохожие. На стене дома, у которого сидел Джонатан, висела табличка с названием улицы. Слово и цифра. Слово было написано по-французски. Мистер Вудс взглянул на эту табличку и попытался прочесть, но, даже прочтя это слово, он не был уверен, что произнёс его правильно.

– Lumière, – раздался нежный женский голос где-то совсем рядом.

Джонатан повернулся на этот голос и увидел невысокую молодую девушку с короткими светлыми, почти белыми, волосами. Она стояла в паре шагов от него, подперев плечом дверной косяк. Незнакомка держала в руке кружку, из которой исходили ароматный пар.

– Что? – смущённо переспросил мистер Вудс.

– Правильно произносить «Lumière». Ударение на последний слог. И согласные мягче, – девушка кивнула на табличку и миловидно улыбнулась.

– Ой, да какая разница, – раздражённо произнёс мистер Вудс, растерянно проведя рукой по своим волосам, чем только взъерошил их.

Девушка присела на лавку рядом с ним и с неприкрытым интересом уставилась на его профиль. Джонатан не сразу заметил этот пытливый взгляд, а когда таки увидел, что маленькие ярко-голубые девичьи глаза готовы были проделать в нём дырку, удивлённо отпрянул и не нашёл ничего умнее, чем задать весьма нелепый вопрос:

– Вам чем-то помочь?

– Кажется, это вам нужна помощь, а не мне.

Эта обезоруживающая невинная улыбка девушки заставила Джонатана расслабиться и довериться ей.

– Да, нужна, – с сожалением констатировал он.

– Что у вас произошло?

– Я заблудился в этом чёртовом городе.

– Как так заблудились? – изобразила подлинное удивление незнакомка. – Вы не знаете города? Вы недавно прибыли сюда?

– Четыре дня тому назад.

– А откуда?

– Из Соединённых Штатов.

Девушка отпила из своей кружки ароматного напитка, по запаху напоминающего чай, и задумчиво опустила взгляд.

– А где вы остановились?

– В том то и проблема, – довольно громко ответил Джонатан, разведя руками, чуть не толкнув кружку девушки. – Я не знаю адреса дома, где я остановился. Меня с сестрой приютила одна пуэрториканка по имени Елисея. Мы остановились в её гостином доме. Вы знаете женщину с таким именем?

Девушка с тем же задумчивым выражением лица оттянула паузу, вздохнула и ответила:

– Женщину с таким именем я не знаю. Но у меня дома есть карта города, которая может помочь.

Она встала с лавки, подошла к раскрытой двери и лёгким жестом руки пригласила Джонатана войти в дом. Вудс обрадовался хоть какой-то помощи, тем более свалившейся на него из ниоткуда. Согласно кивнув, он воспользовался приглашением девушки и вошёл в дом.

Внутреннее убранство нисколько не было похоже на помещение жилого дома. Оно, скорее, напоминало каюту капитана на парусном судне. Подобные картины он встречал очень часто в фильмах про пиратов. Гостиная была залита дневным светом. Этому способствовали большие окна, расположившиеся по всей задней стене дома. В центре стоял большой деревянный стол, который украшала лишь ваза с фруктами. Дерево преобладало в интерьере. Даже несмотря на то, что дом был каменный, стены внутри были обшиты гладкими блестящими досками, видимо, покрытыми лаком. Джонатан заметил ещё одну деталь. Как только он вошёл, то ощутил ударивший в нос запах гари. Едва уловимый спустя несколько секунд, его нельзя было ни с чем спутать. Запахом горения был пропитан весь дом, хотя деревянная обшивка комнаты, как и стены снаружи, были чистыми и целыми.

Девушка поставила свою кружку на стол и, ничего не сказав, оставила своего гостя, поднявшись наверх по лестнице. Вскоре она вернулась, не заставив долго себя ждать. В её руках была свёрнутая карта, которую она разложила на столе, отодвинув посуду с фруктами.

– Сейчас мы находимся здесь, – ткнула девушка пальцем в одну точку на карте практически сразу же, как только приступила к поиску. Но Джонатан в тот же момент её перебил, увидев на этой карте невероятно огромные размеры города:

– Я не думал, что он настолько большой... И как люди пересекают его? За всё время, что я здесь нахожусь, я ещё не видел ни одного транспорта.

Девушка улыбнулась и перевела взгляд с карты на мистера Вудса.

– Транспорт двигается по другим дорогам, – просвещающим тоном ответила она. – Там, где не ходят люди.

Джонатан озадаченно замолчал и стал непонимающе разглядывать карту. И незнакомка, задержав на нём взгляд ещё на пару секунд, вернулась к развёрнутому плану города. Водя пальцами по отметкам, она вдруг замерла и вновь обратила свой взгляд на мужчину.

– А где именно находится ваш гостиный дом? Что находится рядом? Только в соседнем районе я насчитала их аж три штуки.

– Я не знаю, – замялся Джонатан. – Дом Елисеи на длинной улице. Очень длинной. Когда мы вышли из пустыни, спустились прямо на ту улицу и шли всё время прямо. Там по пути был ещё ресторанчик, где нас накормили супом...

Девушка умиленно улыбнулась и, вздохнув, отошла от карты.

– По таким деталям нужную улицу не найти. Здесь каждая главная улица длинная. Единственная зацепка – пустыня. Можно вернуться к тому месту, где вы впервые оказались в черте города и уже оттуда идти к вашему дому.

Джонатан от таких вестей немного приободрился.

– Вы проводите меня? – с надеждой спросил он.

– Конечно. Сами то вы вряд ли найдёте дорогу и до пустыни.

– Ну и замечательно, – взбодрился Джонатан. – Позвольте узнать имя моей спасительницы?

– Вашу спасительницу зовут Катрин, – не без доли кокетства ответила девушка.

– Очень приятно. А я Джонатан. Джонатан Вудс.

Катрин протянула ладонь для рукопожатия, но вместо этого Джонатан припал губами к женскому запястью и оставил на нём лёгкий поцелуй.

– Вы спешите, Джонатан Вудс? – стрельнула своими светлыми глазками девушка. – Хотите приступить к нашему походу немедленно или предпочтёте подождать до вечера?

– Знаете, – начал Джонатан, вспомнив обо всех своих манерах, – если вы не против, неплохо было бы отдохнуть. Может, вы угостите меня тем ароматным напитком, который у вас в кружке?

Катрин улыбнулась и артистично расставила руки, указывая на окружающее её помещение.

– В таком случае, добро пожаловать на борт, мсье Джонатан Вудс! С меня чай, а с вас рассказ об этих ваших Соединённых Штатах.

Дом Жизни

В Садах Королевы кипела жизнь, как и всегда. Даже когда солнце скрывалось за горизонтом, город мерцал огнями фонарей и издавал звуки тихой музыки. Пение птиц в ночном сумраке было естественным явлением в виду большого количества растительности, наполняющей город, начиная с простых комнатных растений и заканчивая целыми садами с цветущими яблонями, сиренью и вишней. Вместе с этим оптимистичным пейзажем город источал атмосферу отчуждённости. Но она была понятна и принимаема. Ночь сменялась рассветом. Рассвет превращался в цветущий полдень. Затем наступал вечер и приносил лёгкий зной, который смягчался морским бризом от самой бухты. И вновь наступал закат – самое спокойное время, когда люди погружались в пучину безмятежного отдыха. А когда солнце закономерно скрывалось за горизонтом, огни фонарей вновь освещали ночные улицы города.

Один день сменялся другим, и в душе Франчески Вудс зарождалась тревога. С тех пор, как она рассталась с братом на перекрёстке, прошло уже двое суток. Тогда она последний раз его и видела. И как Елисея не старалась её успокоить убедительными доводами о безопасности острова, тревога никак не покидала бедную взволнованную девушку. Под конец второго дня с отсутствия Джонатана, Франческа даже вышла на улицы, чтобы спрашивать прохожих о высоком молодом brunete в чёрном костюме. Очевидным было полное отсутствие результатов и какой-либо информации. В ночь на седьмой день пребывания на острове, в день, когда семья Вудс должна была решить, остаётся она или покидает остров, Франческа не сомкнула глаз. Но мысли её заняты были отнюдь не размышлениями о выборе. В её голове поселился хаос. Несмотря на заверения сеньоры Елисеи, все представления Франчески об острове, как оплоте безопасности, беспричинно рухнули. Так и не сумев заснуть, девушка вышла на пустую улицу в половину третьего ночи и отправилась к пристани по знакомому уже ей пути, освещённому лишь фонарями, источающими слабый свет.

Набережная была пуста. Даже людей в округе не было, хотя обычно по ночам у причала и бродили редкие парочки. Ночной город погрузился в сумрак. Настоящий сумрак, какого Франческа ещё не видела в Садах Королевы. Тишина царилла вокруг. Нарушал её лишь лёгкий плеск волн за каменной стеной пристани, уходящей глубоко под воду. Всё это показалось Франческе слишком жутким, от чего она даже поёжилась и забегала взглядом по сторонам, боясь наткнуться на что-нибудь из плода её взбудораженного воображения.

Так стояла мисс Вудс, поглощённая тревогой, несколько минут, вслушиваясь в любые звуки. Но, как и прежде, кроме неё на пристани не было другого источника шума. Присев на скамейку, Франческа, наконец, допустила мысль, что она преувеличивает масштабы надуманной трагедии. Мысли эти сопровождалось глубоким вздохом, который, хоть и на короткое время, но способствовал успокоению. Впрочем, нашёлся другой предмет, который отвлек её от мыслей о пропавшем брате. Далеко на горизонте, уже в самой бухте, освещаемой разве что луной, чей свет едва пробивался сквозь завесу плотных облаков, Франческа заметила силуэт лодки, медленно движущейся на вёслах в сторону причала.

Это одинокое маленькое судёнышко находилось ещё достаточно далеко, и на таком расстоянии невозможно было рассмотреть того, кто медленно двигал вёслами, тем более в такое тёмное время суток. Минут десять длилось ожидание Франчески, любопытство и волнение которой нарастало. Но даже когда лодка подошла вплотную к причалу, лицо человека нельзя было увидеть в темноте. Взгляд девушки распознал только некоторые элементы одежды. Это был разгрузочный жилет, у которого болтались расстёгнутые карабины. Человек в лодке встал, тяжело и шумно дыша, отложил весла и с трудом забрался на причал, волоча за ремень автомат, который шумно гремел своим металлическим корпусом.

Франческа ещё больше напряглась от увиденных вблизи деталей. Ей показалось, что их взгляды встретились, ибо лицо человека во тьме было устремлено в её сторону. Но голос, раздавшийся в темноте, поразил перепуганную девушку как раскат грома:

– Я так рад тебя видеть...

После сказанного, человек сделал шаг и с коротким мученическим стоном свалился с ног. Франческа поспешила на помощь. Сбежав по каменным ступеням к причалу, она подскочила к человеку в темноте и припала возле него на колени. Франческа узнала его ещё по голосу. Мягкий и хрипловатый голос Толги показался ей в тот момент таким, который она бы не спутала ни с чьим другим. Дотронувшись ладонью до щеки собирателя, Франческа ощутила нечто тёплое и мокрое, что в тот же момент вызвало испуг. Несомненно, это была кровь. Толга стал прилагать усилия, чтобы вновь подняться на ноги, и мисс Вудс ему в этом помогла.

– Рядом живёт врач, к нему, – на одном дыхании произнёс собиратель и ухватился за шею девушки.

Несмотря на то, что Толга сам по себе не обладал крепким телосложением, Франческе стоило огромных усилий удерживать его руку на своей шее. Вдвойне тяжелее было тащить за собой почти бесчувственное мужское тело, облачённое в тяжёлую мокрую одежду. На каменной мостовой в свете луны заблестел тёмный шлейф кровавого следа, тянущегося от раненого собирателя. Наутро этот след несомненно напугает людей и вызовет огромное количество вопросов.

Путь к дому врача оказался не таким уж и коротким. Пришлось пройти два квартала, но Франческа не отпускала раненого Толгу даже несмотря на иссякнувшие силы. Удары руками и ногами посыпались в дверь нужного дома. По очевидной причине (крепкий сон хозяина в такой поздний час был естественным) дверь открылась не сразу. И даже когда она открылась, показавшийся в освещённом дверном проёме седой старик в тонких очках не сразу понял, кто именно потревожил его. На пороге его дома распласталось тело в военной форме, а рядом стояла девушка, чьи руки по локоть были в свежей крови. Пара мгновений потребовалась доктору на то, чтобы прогнать сонливость. Подхватив Толгу за руку, он помог Франческе затащить его в дом. Ещё больше сил потребовалось на то, чтобы затащить тело на операционный стол. На самом деле это был вовсе не операционный, а самый обыкновенный обеденный стол, просторный и массивный. Тем не менее, они это сделали, после чего Франческа добралась до стула и тяжело задыхалась в голос. Рук она почти не чувствовала. Они онемели от усталости и боли. Лёгкое белое платье, со стороны напоминающее обыкновенную пижаму, было испачкано кровью даже больше, чем сам Толга, и от белого цвета на нём отныне не осталось и следа. Франческа была на грани того, чтобы потерять сознание. Но расслабляться, по-видимому, было рано.

– *Neu que desvestirle!* – грубо крикнул старик, чем привёл девушку в чувства.

Доктор надел стерильные перчатки и повелительно замахал руками. Франческа запаниковала, не понимая, что от неё требуется. Усугубил женскую истерику Толга. Он захрипел, пытаясь что-то сказать, но вместо слов из его рта вырывались кровавые сгустки. Мисс Вудс приобняла голову собирателя и чуть приподняла её, чтобы тот не захлебнулся, и тогда из его рта раздалось слово по-английски:

– Касательное в шею. Левая голень. Живот...

Толга затих. Его глаза закатались, после чего он потерял сознание. Истерика Франчески стала выражаться в голос, а на глазах проступили слёзы. И тогда доктор в довольно грубой манере выставил перепуганную Франческу за дверь импровизированной операционной. Последнее, что она видела, перед тем как дверь хлопнулась у неё перед носом, это бегущая струя крови, стекающая на пол с амуниции Толги тоненьким ручейком, собираясь на полу в просторную растёкшуюся лужу.

Сколько времени прошло с тех пор, как старик заперся с Толгой в комнате, мисс Вудс не имела представления, даже несмотря на то, что её отсутствующий взгляд был устремлён на циферблат настенных часов. Казалось, минутная стрелка застыла возле одиннадцати и не двигалась с места уже очень давно. Но, разумеется, прошло всего несколько минут, которые растянулись для девушки в вечность. От переизбытка волнения и сильной усталости её начало клонить в сон. Сидя в кресле возле холодного камина, Франческа подтянула к себе ноги, согнула их в коленях и отвернулась от часов, прижавшись щекой к мягкой обивке. И стоило её глазам на секунду сомкнуться, как из-за двери раздались громкие сдавленные стоны, которые мгновенно прогнали от девушки всю её сонливость. Вслед за стонами раздался и голос. Толга кричал что-то на своём родном русском языке, что-то агрессивное. Отдельные слова доносились через закрытую дверь, и что-то Франческе подсказывало, что слова эти имели ярко экспрессивный и непристойный характер. Сдавленные рычащие стоны сменились тяжёлым дыханием, которое так же было прекрасно слышно через дверь. Спустя несколько минут доктор появился в дверном проёме, глядя на Франческу поверх своих очков и снимая с рук испачканные кровью перчатки.

– Зайди, – произнёс он по-английски с очень грубым акцентом.

Мисс Вудс вновь взглянула на Толгу. Заходя в комнату, она сразу заметила, что крови кругом стало больше. Стол, стулья, пол – всё было окрашено багровым оттенком. Разрезанный жилет разгрузки, закреплённый ранее на груди Толги, ныне лежал на полу в углу комнаты. Возле стола, на котором произошла операция, стоял штатив с капельницей, тянущейся прозрачным шнуром к руке Толги.

– Он терял много крови, – вновь заговорил старик на ломанном английском. – Удивительно, как он до сих пор есть живой. Нужно доставить в госпиталь. Здесь я не имею все средства, чтобы не дать ему умирать.

– Госпиталь далеко? – спросила Франческа. Рука её опустилась на влажные волосы Толги.

– Нет, – ответил доктор, бинтуя ногу своего пациента. – Но вдвоём мы не мочь унести.

– И что нам делать?

Старик закончил с ногой Толги, поправил повязку на его торсе и поднял свой тяжёлый взгляд на девушку.

– Нужно звать помощь. Мои соседи – *son muy buenas!* Хорошие люди. Торопитесь, сеньорита, жизнь нашего *amigo...* *pende de un hilo...*

Доктор не знал, как выразиться по-английски и использовал максимально простое объяснение:

– Кончается!

Дослушав старика, Франческа попятилась к дверям и тут же выбежала из дома. На улице уже начало светать. Ночной сумрак исчез, сменившись томным светом лучей поднимающегося на горизонте солнца. Наступило то самое время суток, когда люди спят особенно крепким сном и только начинают видеть свои красочные сновидения. Обегая близлежащие дома, Франческа громко колотила в двери, пытаясь разбудить хотя бы пару соседей доктора. От ударов её маленькой ладони на дверях домов оставались кровавые разводы. Несколько минут прошло прежде, чем сонные горожане стали выходить на шум. Вышли не все, но двое крепких ребят, которые выслушали мольбу девушки, мгновенно прогнали остатки своего сна и помчались в дом доктора. Они погрузили Толгу на носилки, прихватили с собой штатив с капельницей и понесли раненного собирателя по просторной улице. Франческа едва поспевала за ними. По немой просьбе Толги она захватила с собой его автомат. Она всю дорогу неумело тащила его за испачканное кровью цевьё, волоча ремень по пыльному тракту.

Под конец пути быстрый шаг молодых людей уже сменился на рысь. Большое здание госпиталя показалось совсем скоро. Доставив Толгу по месту назначения и передав его бодрствующим врачам, ребята попрощались с Франческой, заверили её в том, что всё непременно будет

хорошо, и поспешили ретироваться, вероятно, обратно в свои постели, досматривать прерванный сон. А Франческа осталась. Когда Толгу транспортировали в стерильную ослепительно белую операционную, её вновь не пустили к нему. Мисс Вудс осталась сидеть в длинном коридоре, растянувшимся вдоль всего этажа. Устроив оружие Толги на своих коленях, она откинулась на спинку дивана, и прикрыла глаза.

Бесконечный поток людей сновал под утро по коридору мимо спящей на диване девушки. Автомат, который она держала на коленях, уже лежал рядом с ней. Видимо, он выпал из её рук, а прохожие вернули оружие на место, чтобы оно не мешалось в проходе. Людей в халатах тут практически не было. Возле дверей палаты расхаживали несколько мужчин в такой же армейской амуниции, в какой был и Толга. На спящую девушку они внимания не обращали. Их лица говорили о том, что забот у них достаточно и без неё. Очевидно, все эти люди были собирателями. Шесть человек терпеливо ожидали у дверей.

Под шум и гам, стоящий в госпитале естественным фоном, проснулась Франческа. Оглянувшись, она поняла, что проспала до позднего утра, и, увидев у дверей операционной такое количество серьёзных людей, поднялась с дивана. Нерешительно подойдя к компании ожидающих собирателей, она поинтересовалась, всё ли в порядке с Толгой. В ответ она получила лишь неопределённые пожимания плечами. Один из них забрал с дивана оружие и повесил за ремень себе на плечо. И в этот самый момент двери операционной открылись. Кого угодно Франческа ожидала увидеть выходящим через эти двери: врача, санитаря, любого другого постороннего человека, но своим появлением в дверном проёме её ошеломил сам Толга. Ещё несколько часов назад он был нашпигован пулями и умирал от огромной потери крови, а теперь просто прихрамывал и опирался на трость. Он вышел из операционной, придерживая пальцами белоснежную повязку на животе, и окинул присутствующих в коридоре собирателей тяжёлым взглядом.

Мужчины присели. У них завязался разговор. Франческа не могла разобрать ни слова, ибо говорили они на незнакомом ей языке. Она просто не сводила взгляда с главного участника этой беседы, который излагал не спеша, а слушатели внимали ему, обступив полукругом. Монолог его был довольно продолжительным. Толга говорил сосредоточенно, временами жестикуюлируя, и то, что он говорил, отнюдь не нравилось собравшейся вокруг него компании. Франческа уже собралась было уходить, посчитав, что помощи от неё больше не потребуется, но её остановил громкий возглас:

– Пстой, красавица!

Она обернулась и застала момент прощания Толги с его командой. Наконец, когда он совершил последнее рукопожатие, направился к ожидавшей его девушке. Двигался он не спеша, ковыляя по коридору и отстукивая по мраморному полу своей тростью.

– Проводи меня до дома, окажи мне ещё одну услугу, – произнёс он, проходя вперёд.

Франческа попыталась взять мужчину под локоть, руководствуясь благородным порывом помочь, но собиратель отвёл свою руку и отрицательно замотал головой, гордо захромав по ступеням. Расстёгнутая нараспашку куртка на плечах Толги, выпачканная уже засохшей кровью, собирала на себе взгляды прохожих. Не меньше посторонних глаз привлекла к себе и Франческа, чьё платье было в сплошных кровавых разводах. Но ни Толга, ни Франческа не обращали на людей никакого внимания.

– Что произошло? – задала всеобъемлющий вопрос Франческа.

– Нашла коса на камень, – широко улыбнулся Толга в ответ.

– Что?

– Неудачный абордаж. Такое бывает. Редко, но бывает. Противник оказался нам не по зубам.

– А где ваш корабль?

– Нет больше нашего корабля.

– А команда?

– И команды нет.

Толга не проявлял эмоций, но было очевидно, что ему не безразличны потери. Что на это сказать, Франческа не нашла, и между ними вновь повисло молчание. Лишь спустя некоторое время собиратель произнёс то, что следовало бы сказать изначально:

– Если бы не ты – и меня бы уже не было. Спасибо.

– Ага, – сухо ответила девушка, глядя перед собой.

Толга остановился. Остановился он внезапно для Франчески, от чего она прошла вперёд ещё несколько метров. Собиратель встал у дверей углового дома на главной улице. Дальше дорога имела небольшой уклон вверх. В силу этого и дома стояли на соответствующем рельефу фундаменте. Дом Толги мало отличался от остальных, разве что дверь его была расписана золотистой хохломой. Эта деталь, пожалуй, была единственной, которая наряду с остальными домами, придавала этому уникальности.

Раскрыв расписные двери, Толга жестом пригласил Франческу пройти внутрь. И она вошла без малейших колебаний. Своего интереса к пирату она не скрывала, и приглашение в своё жилище от него восприняла как своеобразный подарок, преподнесённый женскому любопытству. Ожидая увидеть в очередной раз нечто, что поразило бы её, девушка перешагнула порог. Но действительность не совсем оправдала ожидания. В помещении Франческа увидела верх минимализма, какой только можно было вообразить. Голые чистые стены и чрезвычайно небольшое количество мебели – это всё, что предстало перед её взором. Стены и потолок, выполненные в светлых тонах, представляли собой жилую «коробку». Помещение из-за этого казалось больше внутри, чем снаружи, а единственное окно невероятно больших размеров освещало комнату максимально, насколько это было возможно в дневное время суток. Пройдя вперёд по этому пустующему пространству, захватывающему дух, Франческа увидела один лишь стол у стены рядом с окном. На столе лежал ноутбук, но совсем не такой, какой девушка привыкла видеть. Этот компьютер был значительно больше тех, что водятся за океаном. Возле ноутбука лежала раскрытая книга. Это всё, что было в помещении. Франческа растерянно оглянулась по сторонам, а Толга прошёл дальше, к двери, которая, очевидно, вела в следующую комнату. Толкнув её тростью, он вновь пропустил Франческу вперёд.

– Присаживайся, угощайся. Если хочешь, могу заварить тебе чай. Но... – Толга замаялся, потирая перевязанный торс. – Это займёт время.

За следующими дверями Франческу ожидало помещение, чей интерьер был не менее удивителен. Единственное окно напротив дверей освещало всё помещение, чьи стены были сплошь завешены пышными персидскими коврами, а на полу разложены подушки. Впрочем, подушки и представляли собой сам пол. Их было невероятно большое количество. А сквозь эту равнину однотонных подушек, обитых шёлком, виднелась огромная причудливая ваза в форме большого бутона кувшинки, на котором и держались угощения: грозди винограда, сливы, яблоки и даже такие фрукты, которых она никогда не видела.

– Присаживаться на пол? – неуверенно спросила Франческа.

– Если ты найдёшь здесь стул, смело садись на него, – ответил Толга и, отодвигая большой ногой лёгкие подушки, лежащие на его пути, прошёл вслед за своей гостьей. – Ну, так как на счёт чая?

– Нет, спасибо, – отмахнулась Франческа и аккуратно опустилась на подушки.

Присел и Толга, приложив к этому некоторые усилия.

– И ты здесь живёшь? – задала мисс Вудс ещё один вопрос, не переставая разглядывать обе причудливые комнаты. И хоть они обе не оправдали её ожиданий, но всё же удивили.

– Большую часть времени я провожу на побережье, так что здесь мне доводится только ночевать.

– Ты сам обустроивал тут всё?

– Конечно. Кто же за меня это сделает.

– Интересно...

Франческа улыбнулась и полностью легла на подушки. Затем повернулась к Толге и окинула его удручённым взглядом.

– Как ты себя чувствуешь? – сочувственно спросила она, глядя на опоясывающую Толгу повязку.

– Не полностью.

– Что? – не поняла Франческа.

– Местный наркоз на моей ноге пройдёт только к вечеру, так что чувствую я себя не полностью, – улыбнулся Толга, но в ответ увидел гримасу ужаса.

– Я с тобой совсем забыла! – воскликнула Франческа. – Я же потеряла Джона!

– В каком смысле «потеряла»?

– Он не появлялся в гостинином доме уже двое суток, и я не знаю где он. И даже не представляю, где его искать.

– Джонатан большой мальчик, разберётся, не пропадёт, – успокаивающе ответил собиратель, совершенно не разделяя женской тревоги.

Безмятежной уверенности в его голосе было столько, что эти слова чудотворным образом успокаивающе подействовали на Франческу. Она укоризненно помотала головой, а затем улыбнулась Толге в ответ и отвела взгляд.

– Сегодня седьмой день, – серьёзно заметила мисс Вудс после недолгого молчания.

Толга взял из причудливой вазы одну виноградину и стал вертеть её в пальцах.

– И? Что решили?

– Я не знаю, – замялась девушка. – Почему ты дал на принятие такого важного решения только неделю? По-моему, это слишком мало, тебе не кажется?

– Нет, не кажется. Просто первое число, которое пришло в голову, это семь. Вот я и решил, думайте-ка вы ребята семь дней.

– Вот как?! – нахмурилась сквозь улыбку Франческа. – Это не серьёзно. Дай нам хотя бы месяц, тогда точно будет понятно, готовы ли мы будем остаться или нет.

– Не дам. Я хочу ответа сейчас. По крайней мере, от тебя.

– Ну почему? – уже всерьёз возмутилась девушка.

– Спонтанное желание. Без объяснения причин, – пожал плечами Толга. – У меня такое бывает, привыкай. Или не привыкай.

Франческа села на подушки. Вначале её взгляд был устремлён перед собой, и весь её вид выражал обдумывание окончательного ответа. А когда она нашла что ответить, повернулась к Толге и обречённо вздохнула.

– Я поступлю так же, как Джонатан. Если он решит вернуться, вернусь с ним и я. Но лично мой ответ – да. Я хочу остаться.

Vora del món

Затерянный посреди атлантического океана мир всегда тщательно следил за научными достижениями своих соседей по планете. Сначала это была доставляемая на остров литература: книги, газеты и научные журналы. Затем стали прибывать и сами учёные. Время, когда Сады Королевы, наконец, превзошли внешний мир в области науки, пришлось на начало двадцатого столетия. Если быть точнее, то на тридцатые годы. Настоящим прорывом в области медицины стало синтезирование вещества, способного регенерировать органическую ткань буквально за считанные часы. Подобное открытие было бы бесценно в раздираемой войнами заокеанской цивилизации, где в последующие десятилетия погибли десятки миллионов человек. Но это, как и многие другие открытия, достижения и изобретения, не покинули пределов острова. Тем не менее, несмотря на то, что островитяне вырвались вперёд в этой негласной научной гонке, собиратели не переставали черпать информацию. Именно благодаря этому они не пропустили создание компьютера и интернета. На острове же сие не заимствовало полностью, нещадно превращая раздобытую технику в трофей или интересную «игрушку». Первый компьютер, который попал в Сады Королевы, был досконально изучен и преобразован в агрегат, обладающий гораздо большими характеристиками, параметрами, и, как следствие – потенциалом. Тот самый первый компьютер, который стал прототипом, по сей день находится на острове, в музее, среди прочих бытовых предметов.

Что касается технологий, то здесь внешний мир и Сады Королевы пошли разными путями. За океаном в промышленных масштабах производились различные аксессуары и гаджеты, будь то мобильные телефоны, плееры, телевизоры и прочее. Островитяне, узнав о подобных предметах, не совсем поняли их предназначение. Быть может от того, что представления о развлечениях разнились между двумя мирами. С течением времени город претерпевал незначительные внешние изменения. Античная эстетика и самобытность была более близка людям, посему не строились небоскрёбы, дома не забивались электроникой, и музыка, звучащая на улицах практически круглосуточно, всегда была живой. Почти всегда. Остров сохранял свой облик «живым», балансируя между разными эпохами.

Была ещё одна отличительная особенность, которая в корне различала подход к науке между двумя мирами. С самого средневековья было очень проблематично доносить до людей научные знания. В то время, когда балом правила церковь, любая идея или альтернативный взгляд на реальность воспринимались как ересь. Учёных отлучали от церкви и изгоняли из страны, если и вовсе не подвергали публичной казни. Шаблон мироустройства, вбитый в сознание людей, не позволял их воображению даже представить идеи немногочисленных гениев того времени. От того научные труды попросту не находили понимания. О них вспомнили лишь спустя время, когда церковные оковы стали постепенно ослабевать. Тогда и началась эпоха великих открытий.

Начиная с двадцатого века, на место религиозных предрассудков пришли другие сдерживающие факторы. Они присутствуют в современной науке большого мира и по сей день. Сегодняшний мир – это мир капитализма. Наука стала для отдельных категорий людей работой. Успешность и перспективность науки стала измеряться объёмами финансирования. Имена выдающихся учёных перестали быть всеобщими известными. Да и сами учёные, в общем то, не стремились к славе. Научная работа продолжалась ровно до тех пор, пока проекты подпитывались деньгами. Как только за этот труд переставали платить – процесс останавливался. Деньги стали единицей измерения научного процесса. Впрочем, мир к этому привык, и как быть иначе уже не представляет.

Кроме того, были случаи, когда научные труды встречали прямое саботирование со стороны власть имущих. Особенно это касается разработок в области энергетики. Поиски более

экологичного топлива, как и альтернативного источника энергии, встречали откровенное препятствие прогрессу корпорациями, взявшими в свои руки добычу и последующую продажу старой доброй нефти, угля и газа. Делалось это исключительно в интересах бизнеса, ведь в случае появления в прессе информации о разработке чего-то, что заменило бы масштабно продаваемые ресурсы, их цены бы вмиг обрушились, лишив целые государства огромного дохода. Когда альтернативу исчерпаемым ресурсам стало уже просто невозможно скрывать, конечному потребителю рассказали ещё одну сказку: «У нас нет материальных средств и возможностей, чтобы перейти на новые источники энергии».

За неимением такой разрушительной вещи, как деньги, Сады Королевы не встретили подобных препятствий в области науки. Труд островных учёных не оплачивался ничем. Целью был только результат, и на достижение результата уходило всё время, какое человек считал нужным потратить. С самого детства жителям острова преподавали основы элементарной физики, химии, математики и лингвистики. К пятнадцати годам каждый ребёнок свободно говорил, как минимум, на трёх языках. Такой продуктивности способствовало отсутствие отвлекающих факторов. Чем заняться ребёнку, у которого вместо телевизора и компьютера, заполненного играми, дома стоят полки, заполненные книгами? К тому же кругом находятся взрослые, которые не только одобряют стремление к познаниям, но и помогут разобраться, ибо они точно так же большое количество времени уделяли своему образованию. Потому что им всем это было интересно. Мало что может быть так же приятно, как лицезреть результаты своих трудов, вызывающих одобрение и восхищение окружающих. На этом принципе основывался весь научный процесс в Садах Королевы.

После ночного явления раненого собирателя, всполошившего горожан удручающими новостями, улицы города наполнились необыкновенной активностью. Широкий просторный проспект освободился от прохожих. Позже стало понятно почему. Откуда-то из центра в сторону побережья по проспекту на низкой скорости следовал достаточно большой автомобиль. Внешний вид его несколько отличался от тех, что существуют во внешнем мире. Это был шестиколёсный грузовой транспорт с одноместной, но просторной кабиной водителя. Кузов был открыт, и перевозимый груз ни от кого не скрывался. Грузом этого транспорта являлось некое массивное устройство, чем-то напоминающее радар.

Обзор всей улицы открывался с просторного балкона дома, на котором виднелась запылившаяся табличка с надписью «Lumière ' 40». И с балкона за всем происходящим наблюдал взъерошенный джентльмен, непонимающе вглядываясь в необычный автомобиль. Мистера Вудса сложно было узнать. Свежий загар на его теле, слегка прикрытом белой тканью покрывала, был ему не свойственен. В одной руке Вудс держал бутылку рома, из которой он крайне редко отпивал маленькими глотками, а в другой – раскрытую книгу с блестящим переплётом. Это были опубликованные записи современных деятелей науки Садов Королевы. Джонатан был настолько погружен в чтение, что оторвался от страниц только когда услышал с улицы плавное урчание мотора. Он с лёгким недоумением проследил за движущейся техникой, пока та не скрылась за силуэтами дальних домов. Вздыхнув, Джонатан повернулся в сторону комнаты. На просторной кровати возлежала Катрин. Её молодое обнажённое тело нежилось в солнечных лучах, освещающих всю просторную комнату, больше похожую на зал с кроватью по самому центру. Лицо девушки не выражало эмоций. Разве что взгляд, неуклонно следивший за мужчиной, содержал в себе немой вопрос.

– Чего это вдруг на улице появилась техника? – спросил Вудс, встретившись взглядом с Катрин. – Ты же говорила, что она ходит по другим дорогам.

– Строительные работы, – неопределённо пожала плечами Катрин. – Не думаю, что кто-то решил просто покататься по городу.

Услышав объяснение, Джонатан не стал развивать эту тему. Сделав последний глоток рома, он оставил бутылку на каменном бортике балкона, вернулся в комнату и присел на кро-

вать рядом с обнажённой сеньоритой. Он осторожно коснулся пальцами её шеи и медленно провёл ими по коже, заставив Катрин вздрогнуть. Холодные пальцы сменились горячими губами, от чего светлое девичье лицо тут же озарилось сладостной улыбкой. Взгляды вновь встретились. И после проникновенного молчания Джонатан произнёс в полголоса:

– Сегодня идём искать гостиный дом. Совершенно точно идём. Хватит переносить наш поход. Сестра, должно быть, волнуется. К тому же, сегодня важный день.

– Чем он важен?

– Сегодня «Седьмой день»! – Вудс театрально вздёрнул брови.

Катрин умиленно улыбнулась и провела ладонью по его щеке.

– Джонатан, я до сих пор не понимаю, о чём ты говоришь.

– Сегодня решается вопрос, остаёмся мы на острове навсегда или же навсегда его покидаем.

– Вот как, – опустила взгляд девушка. – И почему это решается именно сегодня?

Вудс выдержал паузу, затем ответил несколько неуверенно:

– Так было оговорено с пиратом, благодаря которому я сюда и попал.

– Хорошо, и что ты решил? – спросила Катрин так, будто сама знала ответ на свой вопрос. – Остаёшься или покидаешь нас?

– Я поступлю так, как поступит сестра, – излагал Джонатан, не переставая нежиться о тёплую женскую кожу. Решит вернуться и всю жизнь жить воспоминаниями об этом месте, значит, мне придётся тебя покинуть. Решит остаться – значит, тебе от меня уже не отделаться. Но что-то мне подсказывает, что решение наше будет единогласным.

«Новый Оракул» с Уолл-Стрит, покоритель финансовых рынков, акула инвестиционного бизнеса, Джонатан Вудс не был таким уж влюбчивым мальчиком, и нельзя было сказать, что он верил в любовь с первого взгляда. Такое бурное проявление симпатий к молодой Катрин, которая оказалась его ровесницей, не позиционировалось как отношения серьёзные, чем приятное времяпрепровождение. Похоже, что и Катрин относилась ко всему этому аналогично. За то время, что молодые люди провели вместе, они успели достаточно близко познакомиться. Катрин оказалась уроженкой Садов Королевы в нескольких поколениях, однако она осталась последней представительницей своей семьи. Осиротела девушка, как оказалось, не так давно, по воле несчастного случая, произошедшего несколько лет назад. Что именно за несчастный случай унёс жизни родителей и сестры-близнеца, Катрин рассказать своему новому другу отказалась, сославшись на элементарное нежелание вспоминать те трагические события. Джонатан настаивать не стал.

В этот ясный солнечный день, пара медленно шагала по петляющим улицам, держась за руки. Путь их пролегал к условной точке, которую Джонатан описал как «пустыню», спуск с бархана которой открыл для американцев этот дивный город. Поиски проходили медленно, не столько из-за того, что молодые люди никуда не спешили, а потому что эта пустыня оказалась действительно на много дальше, чем предполагала Катрин. Наконец, спустя час блужданий, когда Джонатан узнал в переулке то место, с которого началось знакомство с городом, он вышел в центр перекрёстка, расставил руки и воскликнул:

– Вот оно! Вот тот бархан, смотри, даже на песке всё ещё остались наши следы, – Вудс указал на разрыхлённый песок и расслабленно вздохнул.

– Ну что ж, полдела сделано, – сдержанно улыбнулась Катрин. – В какой стороне ваш гостиный дом?

– По этой самой улице, вперёд. Мимо уж точно не пройдем.

Разобравшись с дальнейшим маршрутом, на этот раз уже Джонатан повёл свою подругу. По пути он узнавал дома, вывески, тот ресторанчик, где его угостили супом, даже вспомнил лицо повара. За всё время пути по этой длинной прямой улице, единожды пришлось сойти в сторону. Грузовой автомобиль оригинального дизайна, подобный тому, что Джонатан видел

утром с балкона, проехал мимо. Мистер Вудс разглядел вблизи перевозимый груз. На вид это был действительно своеобразный радар, вернее даже мобильная радиолокационная станция. По крайней мере, на внешний вид это была самая ближайшая ассоциация. Пропустив автомобиль, Джонатан вновь вышел на дорогу, как и остальные прохожие.

– Что это такое вообще? – озадаченно пробурчал Вудс, глядя вслед удаляющемуся грузовику.

– Я точно не знаю, как это называется, – замялась Катрин. – Какая-то старая разработка наших учёных.

– Ну а для чего она?

– Она влияет на погоду. Нажал кнопку – пошёл дождь, повернул рычаг – в океане начался шторм, щёлкнул тумблером и вот уже в тропиках идёт снег.

– Ничего себе! – впал в искреннее недоумение Джонатан. – Это такие у вас тут «старые» разработки? Что же тогда у вас новое?

– А что тебя так удивляет? В твоих Соединённых Штатах таких устройств нет?

– Не то, что в Соединённых Штатах, их во всём мире нет!

Катрин взглянула на своего спутника с неприкрытым изумлением и саркастически улыбнулась:

– Чем вы там у себя вообще занимаетесь? Вы хотя бы знаете, что Земля не плоская?

Джонатан не ответил на иронию, а лишь передразнил улыбку девушки. Дальнейший путь пара проделала, увлечшись беседой на отвлечённые темы. Время летело незаметно, и нужный гостининый дом едва не выпал из внимания путников. Длинная улица, ведущая в сторону побережья, привела Джонатана к знакомому двухэтажному дому, чьи окна изнутри украшали цветы. Когда он был здесь последний раз, цветов не было. Зайдя внутрь, Вудс застал только домовладелицу. Франчески здесь не было. Где она может быть, Елисея не сказала, но поделилась предположениями. Так же она поделилась и последними новостями. Так Джонатан узнал, что случилось прошлой ночью в порту. Ещё Елисея поделилась слухами, которые ходят среди горожан касательно необычной активности транспорта в самом городе. Как оказалось, это собиратели принимают меры для защиты острова от возможного пришествия неких «нежелательных гостей». Что это за «гости», никто не знает. Однако, по её словам, любой гость в сложившейся ситуации будет нежелательным. С таким информационным грузом Джонатан и Катрин вновь вернулись на улицу.

– Что ж, твой гостининый дом мы нашли, – произнесла девушка, сомкнув руки за спиной.

– Не хочешь же ты сказать, что тебе пора?! – возмутился Джонатан, – Тем более что, кажется, я остаюсь тут на неопределённый срок.

– Стоило провести с тобой пару дней и вот уже я полностью выпала из реальности, – призналась Картин. – Совершенно не понимаю, что вокруг происходит. И мне это не нравится. Никогда подобного не было на моей памяти.

– Ну, уж на моей то тем более.

«Vora del món» – так называли это место островитяне. Огромная широкая скала возвышалась над океанским берегом по левую сторону от залива. А от вершины её и до бескрайних недр Садов Королевы раскинулись цветущие поля. Название сие было даровано утёсу ещё в восемнадцатом веке неким каталонцем, бежавшим от гонения Испанской Короны. С каталанского языка Vora del món переводится как «Край Мира». Эта скала была одной из самых высоких точек острова, и вид, открывающийся с её вершины, был по истине фантастическим. Впереди океан, могучий и спокойный, бескрайний и пугающий, постепенно выталкивал волны одну за другой на каменистый берег, который был метрах в ста пятидесяти от самой верхней точки скалы. А с другой стороны раскинулся город – то самое сердце Садов Королевы, в котором дома с большого расстояния казались миниатюрными и игрушечными. Ими было застро-

ено всё побережье, охватывающее просторную бухту. Вглубь острова город был протянут так далеко, что даже с такой высокой точки, как «Край мира» его границ не было видно. Крыши домов, разнообразные по форме и одинаковые по цвету, сливались с горизонтом. Помимо высокого утёса, примечательной была и другая деталь – цветы. Целые гектары цветов, украшающие земной покров, расстелились вдаль на несколько километров. Они имели некоторое сходство со знаменитыми цветочными полями Голландии. Но в отличие от голландских, где цвет плантаций имел чёткие границы, на этих полях цветы самых разных оттенков перемешаны между собой и вместе и представляют одно огромное пёстрое покрывало, укутывающее сверху могучую скалу.

Единственное, что было явно лишним в этом природном пейзаже, это огромное устройство, напоминающее спутниковую тарелку. Оно было размером с небольшой одноэтажный домик десяти метров в высоту. Вокруг этого агрегата сновали люди. Одни возились с проводами, подсоединёнными к одному большому аккумулятору. Другие настраивали сам лока́тор, обступив его со всех четырёх сторон. Была даже парочка, вооружённая тяжёлыми снайперскими винтовками. Эти двое лежали в траве у самого края скалы и вглядывались вдаль, в безмятежный океанский горизонт. У обрыва в одиночестве стоял ещё один человек, поодаль от остальных. Он периодически поглядывал в оптическое устройство, стоящее на треноге и обращённое на океан. Этому человека отличала от других его одежда. Одни были в белых халатах, другие в синем камуфляже. Их форма одежды была рабочей, а этот мужчина был облачён в строгий серый костюм, из-под которого выглядывал ворот водолазки. Этот ворот скрывал страшное увечье – вся левая сторона шеи была покрыта просторным ожогом, тянувшимся до самого уха. Чуть сторбленный нос, строгие черты лица и русые сальные волосы делали внешность этого человека запоминающейся. Оторвавшись от своего оптического прибора, он последний раз взглянул вдаль невооружённым взглядом и направился к своим коллегам, настраивающим лока́тор.

– Kai baigsite? – спросил он у одного из мужчин в халате, встав у него за спиной. Беглый взгляд на сенсорный монитор через плечо коллеги был полон пытливого интереса.

Услышав произнесённое, рабочий оторвал взгляд от экрана и повернулся. Лицо его выражало крайнюю степень раздражённости.

– Мать твою, Влад, вот что ты сейчас сказал? – вспыхнул он. – Что это вообще за язык?

– Спокойно, дружище, это литовский!

– Литовский? – переспросил мужчина в халате, недовольно сморщившись, – Ты говоришь со мной на литовском языке? Кто вообще говорит на литовском языке?!

– У меня есть скромное мнение, что на литовском говорят литовцы, – Влад развёл руками, искренне не понимая причины негатива в свой адрес.

– Вот и отправляйся в Литву разговаривать на литовском языке. А со мной будь добр говори по-испански, по-немецки, по-французски... Черт, да хоть по-арабски! Но не литовский, ясно? Я не знаю этого языка.

– Хорошо, хорошо, – ответил он по-испански, на том языке, на котором его коллега и выразил возмущение. – У тебя что-то не получается?

Мужчина в белом халате отвернулся обратно к монитору.

– Не могу настроить мощность. Получается либо слишком слабая, либо чрезмерно большая. Бухта недостаточно близко к эпицентру, её сметёт к чёртовой матери. Слушай, ты один из разработчиков этой адской машины, разберись сам, хватит бездельничать!

Он хлопнул Влада по плечу и приглашающе указал на монитор рукой, а сам отошёл. На мониторе была изображена горизонтальная полоса с динамично курсирующей вдоль неё стрелкой, а вокруг мелькало множество постоянно меняющихся цифр и символов. Взглянув на явившее себя изображение, Влад встал за монитор сам и прикоснулся к нему. Стрелка на сенсорном экране замерла под теплом пальца. Замерли вместе с ней и цифры. Затем палец

стал медленно двигаться вправо, вместе с этим изменяя совокупность сгруппированных вокруг чисел. Движение было медленным и аккуратным, ибо параметры требовали хирургической точности. Остановившись на второй трети шкалы, Влад резко убрал палец с монитора и удовлетворённо хлопнул в ладоши, после чего нажал на клавиатуре большую круглую кнопку с изображением двух параллельных волн.

– Думаю, небольшой дождик наша бухта переживёт, – самодовольно произнёс он в пол голоса, не рассчитывая, что его кто то услышит.

– Влад! – крикнул один из снайперов, лежащих в траве у обрыва. – Они приближаются!

Приободрённый учёный подбежал обратно к своей треноге и взглянул на океан через оптику. Он увидел судно,двигающееся на всех парах в сторону острова. Это был явно военный корабль, вот только установить его принадлежность было затруднительно в силу отсутствия каких-либо опознавательных знаков.

– Парни, у вас всё готово? – обратился Влад к рабочим. – У нас есть 30—40 минут, прежде чем эти засранцы войдут в зону поражения!

– Да, всё настроено, можем начинать! – послужило ему ответом.

– Тогда отправьте этих туристов к Посейдону!

Один из рабочих, стоявших возле панели управления, потянул небольшой рычаг вниз до упора. Раздался писк низкой частоты, который вскоре сменился коротким гулом сирены, разнёсшимся по полям. Эхо дошло и до города. Такое предупреждение получили островитяне как сигнал о том, что устройство начинает свою работу. После прогремевшей сирены настала тишина. Все люди, находившиеся на *Vora del món*, собрались перед обрывом и устроились в положении сидя, ибо ожидать ещё предстояло долго. Остался стоять только один Влад. Он расхаживал позади всех с бутылкой вина, которую вытащил из плетёной корзины.

Следующие двадцать минут ничего не происходило. Небо было так же чисто и безоблачно, как и раньше, а океан спокоен, как и все минувшие дни. Неопознанное судно до сих пор усердно двигалось в направлении острова. Но спустя ещё десять минут небо стало затягиваться облаками, а вдалеке оно и вовсе покрылось серыми тучами. Последующие погодные изменения стали происходить аномально быстро. В считанные минуты океанская гладь покрылась более крупными волнами. Вода стала темной под тяжёлым покровом свинцовых туч. Грянул гром и отзывался на побережье грозным эхом. Разыгрывающееся на горизонте представление просыпающейся стихии обратило на себя внимание всех рабочих, даже Влада, который к тому времени уже успел опустошить половину бутылки. Волны вдалеке стали достигать размера нескольких метров. Ураганный ветер метался из стороны в сторону, сдувая нежданное судно, которое пока ещё виднелось вдалеке сквозь линзы оптического прибора. Небывалый шторм разразился в океане, а в Садах Королевы он отразился лишь моросющим дождём, который накапывал в заливе и едва касался набережной.

Влад наблюдал за конвульсиями корабля, беззащитного перед разбушевавшейся стихией, не без улыбки. А момент, когда судно, сильно накренившись на бок, наскочило на следующий вал, он ознаменовал злорадным смехом. Настроения Влада никто из присутствующих не поддержал. Более того, никто его и не одобрил. Впрочем, осуждающих взглядов в свою сторону Влад всё равно не увидел. Он был так увлечён просмотром бедствия, что не отрывался от оптического прибора до того момента, пока судно не отнесло от острова на столько, что оно пропало из виду. Какая судьба постигла незваных гостей, осталось загадкой. Оторвавшись от объектива, Влад кинул отрешённый взгляд на своих товарищей и присел на траву позади всех.

Множество огоньков на приборной панели большого устройства со временем тускнели, пока вовсе не погасли. Успокаивался и шторм. Но происходило это несколько медленнее. Раззадоренная стихия не потерпела бы всеобъемлющей власти над собой, посему и разыгравшаяся буря усмирила свой пыл самостоятельно спустя некоторое время. Чистое безоблачное небо

вскоре вновь распростёрлось над океанской гладью. Горизонт стал чист и бесконечен, словно то же небо, отражающееся в темных размеренных волнах океана.

CAPITULO 2

*«Если ты призовёшь их на прямой путь, они не услышат этого. Ты видишь, как они смотрят на тебя, но они ничего не видят»
Коран, Сура 7. Аль-Араф, аят 198*

Новая земля

Осень 1503 года

Редкие солнечные лучи отражались от осколков стекла, которыми была усыпана вся капитанская каюта. Сквозь разбитые окна доносился плеск морской воды. Помимо этих размеренных и успокаивающих звуков снаружи доносились и голоса. Это шумела команда, которая приводила потрёпанную каракку в порядок после ночной бури. Ныне же было ясное утро, которое благоволило морякам, выстоявшим перед капризами стихии. Но ни шум воды, ни доносившиеся снаружи голоса не были воспринимаемы человеком, находившемся в капитанской каюте. За столом сидел мужчина средних лет, обладающий атлетическим телосложением и волевыми чертами лица. Его растрёпанные вьющиеся волосы, пронизанные редкой сединой, ниспадали на могучие плечи. Взгляд мужчины был устремлён в пустоту, а выражение лица его было отнюдь не умиротворённым. Оно выражало тоску, охватившую мужское сердце. Казалось, ни буря, потрепавшая судно, ни отсутствие успехов в морской экспедиции так не волновали капитана, как волновала его та белокурая женщина с ясными светлыми глазами, что была запечатлена на картине, стоявшей у стены. Именно на неё был устремлён понурый взгляд.

Тяжёлый вздох ознаменовал смирение с одними, отягощающими разум, мыслями, и положил начало новым раздумьям. Стоило озаботиться состоянием судна, учитывая тот факт, что четверо суток подряд на пути встречается лишь шторм, а перспективы наткнуться на землю, судя по всему, были не велики. Но надежды на это возлагались огромные. Ведь именно новая земля и являлась целью экспедиции. Съестных припасов и пресной воды пока хватало, но членов команды то и дело одолевал морской скорбут. И при таком темпе смертности, в скором времени, кормиться пищей было бы некому. Хаотичные мысли, занявшие голову капитана, прервал тяжёлый стук в дверь. Отчаявшийся мореплаватель вздохнул ещё раз и провёл рукой по своему лицу, будто убирая с него весь навалившийся пессимизм.

– Да, войдите! – ответил он на стук приободрённым голосом и повернулся.

В каюту вошёл молодой человек в доспехах. В руках его находился компас.

– Чем вы меня порадуете, Диего? – с неприкрытым любопытством спросил капитан.

– Сеньор Фернандес, – коротко поклонился капитану вошедший, – Вам стоит на это взглянуть.

Протянув руку, он продемонстрировал свой компас. Стрелка устройства вертелась по кругу с неизменным темпом и не указывала явного направления. Капитан взглянул на моряка и выдержал паузу, прежде чем задать очевидный вопрос:

– Что за бесовщина? Ты решил показать мне неисправный компас?

– Благородный Дон, – напряжённо набрал воздуха в лёгкие Диего, – Все компасы, что есть на борту, показывают то же, что и этот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.